

Санкт-Петербургский государственный университет

ШИПЛЮК Виктория Александровна

Выпускная квалификационная работа

Эномото Такэаки и его «Сибирский дневник» как важный источник по истории восприятия образа России в Японии

Уровень образования:

58.04.01 «Востоковедение и Африканистика»

Основная образовательная программа

ВМ.5803.2021 «История народов Азии и Африки (с изучением языков Азии и Африки)»

Научный руководитель:

к.и.н., доцент кафедры теории
общественного развития стран Азии и Африки
Османов Евгений Магомедович

Рецензент:

к.и.н., с.н.с. отдела этнографии
Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН
Синицын Александр Юрьевич

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ЖАНРЫ	12
1.1. Источники личного происхождения.....	12
1.2. Методология изучения источников личного происхождения.....	15
1.3. Дневники и путевые заметки.....	20
1.4. Японская дневниковая традиция.....	26
ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ ЭНОМОТО ТАКЭАКИ (1836 – 1908)	36
2.1. Ранние годы (1836 – 1869).....	36
2.2. Дипломатическая служба (1870 – 1885).....	44
2.3. Политическая и общественная деятельность (1885 – 1908).....	50
ГЛАВА 3. ОБРАЗ РОССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «СИБИРСКОГО ДНЕВНИКА» ЭНОМОТО ТАКЭАКИ	58
3.1. «Сибирский дневник».....	59
3.2. Формирование образа России в Японии.....	71
3.3. Образ России в «Сибирском дневнике».....	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	99
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ	103

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX в. для Японии ознаменовалась крупнейшими изменениями как во внешней, так и во внутренней политике. Курс на изоляцию страны, проводимый при Токугава, под давлением США был отменен. Насильственное открытие государства обнаружило несостоятельность власти бакуфу в новых реалиях. На смену периоду Бакумацу пришла эпоха Мэйдзи. Необходимость срочного укрепления позиций была очевидна. Начался ряд преобразований во всех сферах жизни общества, известный как Мэйдзи исин или реставрация Мэйдзи. Японии надо было освободиться от бремени неравноправных договоров годов Ансэй. Правительство провело кардинальные политико-социальные изменения внутри страны, взяв курс на культурную европеизацию. Японии предстояло доказать «цивилизованность» и отстаивать независимость. Был запущен процесс милитаризации и империализации, формирования идеологической платформы страны. В итоге к концу периода произошла полная реорганизация государства, у Япония получилось выйти из числа «догоняющих» восточноазиатских стран, преодолеть угрозу собственной колонизации и войти в мировое сообщество в качестве полноправного участника.

Особое внимание правительство Мэйдзи обращало на политику в отношении иностранных держав. В первое десятилетие эпохи профессиональная подготовка дипломатических кадров ещё не существовала в полной мере. Посланники прибывали в иностранные государства, чтобы в том числе открыть посольства. Одним из первых японских дипломатов был **Эномото Такэаки** (яп. 榎本武揚; 1836 – 1908) – видный деятель Японии XIX в., известный по большей части во внешнеполитической и военной сфере. В период Бакумацу Эномото вошел в число немногих японцев, получивших образование за границей – пять лет он провел в Голландии. Во время войны Босин Эномото занял сторону старого правительства и после сдачи последнего не прекратил сопротивление, основав базу на севере страны. Падение республики Эдзо во главе с Эномото Такэаки стало заключительным эпизодом гражданской войны. Среди его

дипломатических заслуг, прежде всего, выделяется заключение Петербургского договора в 1875 г. с Российской империей. Благодаря стараниям Эномото Япония сумела одержать победу над Перу в судебном деле, известном как «Инцидент с Марией Луз». Он также участвовал в китайской миссии, сопровождал Ито Хиробуми при подписании Тяньцзиньского договора 1885 г. После он занимал ряд высоких правительственных постов, в том числе и пост министра иностранных дел. Входил в Тайный совет. В знак признания больших заслуг Эномото удостоился титула виконта. Известна колониальная позиция Эномото Такэаки, хорошо отраженная в проводимых им общественных мероприятиях. Жизнь и деятельность Эномото зафиксирована в разных источниках: письмах, дипломатических отчетах и дневниках. Среди последних самым известным является «Сибирский дневник».

В 1874 г. Эномото Такэаки был направлен в Санкт-Петербург в качестве первого японского чрезвычайного посланника и полномочного министра в России. Окончив миссию спустя четыре года, Эномото вернулся на родину через Сибирь. В «Сибирском дневнике» посланник зафиксировал свою поездку и впечатления, начиная с отъезда из Санкт-Петербурга 26 июля и заканчивая прибытием во Владивосток 29 сентября. В своем путешествии Эномото пересек не только Сибирь, но и, по сути, всю страну. Несмотря на то, что в дневнике содержится много разнообразных интересных сведений, записи не были опубликованы при жизни автора. Поэтому ни путешествие по Сибири, ни записи в дневнике при его жизни не были известны миру.

Дневник был обнаружен после того, как во время Великого землетрясения Канто 1923 г. обрушилась главная резиденция семьи Эномото в Одавара, где на тот момент жил его старший сын Такэнори (детское имя – Кимпати). Скорее всего, семья Эномото до этого не подозревала о существовании дневника. После нахождения записей семьей было принято решение не публиковать их сразу же и тем самым отдать дань уважения воле Эномото Такэаки. В начале эпохи Сёва (1926 – 1989), после смерти Эномото Такэнори, управитель дома, во время

ревизии вещей показал второму сыну Харуносукэ «Сибирский дневник». Таким образом забытые на полвека заметки вышли в свет¹.

Первой копией стала рукопись, написанная Эномото Харуносукэ в 1934 г. и полностью повторяющая оригинал. Второй сын японского посланника стал автором предисловия к дневнику. В нем содержатся несколько фотографий, приобретенных Эномото во время путешествия и уцелевших после землетрясения. Позднее, в 1935 г., дневник был опубликован с помощью технологии фотогравюры издательством Кайгун ю:сю: кай (яп. 海軍有終会) в двух книгах. Следующая версия 1939 г. была выпущена Акционерным обществом Южно-Маньчжурской железной дороги (яп. 南滿洲鉄道株式会社総裁室広報課 *Минами мансю: тэцудо: кабусики гайся со:сайсицу ко:хо:ка*); она была уже печатной, основой ей послужил фотогравюрный дневник. В издании 1939 г. были объединены обе части дневника. В начале приведены иллюстративные материалы, в том числе фотографии самого Эномото, сделанные в Петербурге, и его подпись. Однако она не подлежала продаже, а сам тираж был небольшим. Неудивительно, что книга не обрела широкую известность. Название вышеописанных изданий было записано на старый манер как 西伯利亞日記 *сибэриа никки*. В 1943 г. под редактированием Хиросэ Хикота издательство То:тё:сёин (яп. 東兆書院) опубликовало «Сибирский дневник» вместе с «Голландским дневником», который появился в печати впервые, под названием (яп. 榎本武揚西比利亞日記: 附渡蘭日記 *Эномото Такэаки Сибэриа никки: фу торан никки*). У Эномото уже был опыт составления поденных записей за границей до путешествия в Сибирь, известный как «Оранда никки» (яп. 渡蘭日記 «Голландский дневник») времен стажировки в Голландии (1862 – 1867). В

---

¹Камо Гиити. Эномото Такэаки [Эномото Такэаки]. Токио: Тю:ко:бунко, 1988. Р. 533-534.

честь столетия со смерти Эномото Такэаки в 2008 г. дневник вышел в издательстве Ко:данся (яп. 講談社). В книгу вошел не только «Сибирский дневник», но и «Голландский дневник», а также некоторые письма Эномото.

В исследовании мы опирались как на оригинал «Сибирского дневника», так и на его современную версию 2010 г. издательства Хэйбонся (яп. 平凡社), на данный момент это последняя редакция «Сибирского дневника». Первоначальный перевод на современный японский сделала правнучка Эномото Такэаки – Сувабэ Ё:ко (яп. 諏訪部揚子; 1936 –). Аннотация и предисловие выполнены выдающимся ученым Накамура Ёсикадзу (яп. 中村喜和; 1933 –), специализирующимся на средневековой русской литературе и культуре. Профессор Накамура был избран иностранным членом Российской академии наук в 1999 г. В его переводе японские читатели познакомились с произведениями А.П. Чехова и с «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Накамура помог закончить перевод «Сибирского дневника», уточнить лексические выражения, русскоязычные топонимы и т.д. Именно под редакцией Савабэ и Накамура была выпущена последняя версия дневника. При составлении текста издания 2010 г. они обращались к оригиналу заметок, хранящемуся в Национальной парламентской библиотеке (яп. 国立国会図書館 *Кокуруцу Коккай Тосёкан*) и одной из ранних печатных версий 1939 г. Мы также периодически обращались к данному изданию для уточнения деталей. Эномото Такамицу, праправнук Эномото Такэаки, предоставил имеющиеся у него материалы для публикации книги. Профессор-востоковед Дацышен В.Г и историк, специалист по русско-японским отношениям Барышев Э.А. предоставляли консультации, что во многом помогло более точно предать различные русские названия и слова. Привлекались и специалисты в других областях. Например, в голландском языке, химии, инженерии.

Редакторы выделили восемь глав. Разбивка была проведена по большей части по принципу больших отрезков пути и виду транспорта. В исходном тексте деление на главы отсутствует. Форма некоторых слов заменена на современную, при необходимости указано значение. Имена и географические названия записаны в текущем варианте. Меры измерения соответствуют источнику, кроме верст – они записаны как *rori* 露里. Для удобства читателя, в отдельной таблице приведен сравнительный перевод единиц измерения и веса, используемых в оригинале, в современные стандартные единицы. Текст содержит большое количество сносок, что тоже облегчает прочтение для не знакомого с российской культурой среднестатистического японца. В конце содержится именной и географический указатель, а также ценовая таблица, составленная Эномото во время его путешествия. Переводчики старались максимально сохранить оригинальный литературный стиль «Сибирского дневника». Помимо этого, была расшифрована часть дополнительных заметок Эномото на полях в конце дневника, ранее не использовавшихся в других изданиях. Редакторы распределили их тематически по географическому признаку.

В качестве **объекта** исследования выступает «Сибирский дневник» Эномото Такэаки.

Предметом исследования является отражение образа России в «Сибирском дневнике»

Цель настоящей работы – воссоздание образа России на основе материалов «Сибирского дневника».

В связи с чем необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть классификацию источников личного происхождения и методологию работы с ними;
- составить наиболее полное представление личности и жизненном пути Эномото Такэаки;
- описать и изучить «Сибирский дневник»;

- проанализировать обстоятельства написания «Сибирского дневника»;
- отразить образ России, описанный на страницах «Сибирского дневника».

Развитие восприятия образа России важно в контексте современных российско-японских отношений, что и обуславливает **актуальность** данного исследования. Понимание одного из этапов формирования нынешнего представления японского общества о России дает возможность проследить динамику развития взаимоотношений между двумя государствами. Анализ дипломатической истории дает возможность сделать долговременные выводы относительно нынешней ситуации, приняв во внимание которые, можно выбрать наиболее продуктивный внешнеполитический курс. Учитывая сложные отношения стран в настоящее время, видится необходимым изучение столь существенной фигуры как Эномото Такэаки.

В российской и западной историографии личность Эномото Такэаки и «Сибирский дневник» практически не освещены. Настоящее исследование является первым комплексным трудом на русском языке.

Методология исследования. В настоящем исследовании используется Кембриджский подход к анализу текста «Сибирского дневника». Он заключается в реконструкции интеллектуального и общественного контекста, внутри которого находился Эномото Такэаки при написании своих путевых заметок. Подробнее Кембриджская школа и ее методология рассмотрены в первой главе работы.

Биографический метод, часто применяемый при работе с источниками личного происхождения, к которым относится «Сибирский дневник», позволяет оценить рукопись без отрыва от личности и жизненного опыта автора, выявить мотивацию и цель написания текста автором. Сравнительно-исторический метод помог избежать неточностей в жизнеописании Эномото.

Реконструкция биографии Эномото Такэаки осложнена труднодоступностью основополагающих японских исследований и слабой разработанностью темы в целом. Поэтому в данном исследовании по большей части опирались на «следы» деятельности Эномото.

В японоязычной историографии есть несколько основополагающих биографий Эномото Такэаки. Прежде всего, это две работы профессора Камо Гиити (яп. 加茂儀一; 1899-1977) «Эномото Такэаки – скрытый краеугольный камень мэйдзийской Японии» (яп. 榎本武揚 – 明治日本の隠れたる礎石 *Эномото Такэаки – мэйдзинихон– но какурэтару сосэки*) 1960 г. и ее дополненный вариант «Биография Эномото Такэаки» (яп. 榎本武揚) 1988 г., вышедший после смерти автора. Камо впервые показал, что Эномото был не только политиком, но и ученым, высокообразованным человеком. Большая ценность этих трудов состоит в том числе в обилии цитат из мемуаров и писем. Именно первое исследование профессора Камо побудило других заняться изучением деятельности Эномото. Стоит отметить, что работы Камо Гиити до сих пор являются основными исследованиями личности Эномото Такэаки и наиболее доступными для работы в Японии. «Биография Эномото Такэаки» (яп. 榎本武揚伝 *Эномото Такэаки дэн*) 1968 г. под авторством Игуро Ятаро считается труднодоступной даже в стране носителя языка. Можно также выделить современную статью Сува Канэнори «Эномото Такэаки – политик периода Бакумацу и Мэйдзи, который также был геологом» (яп. 榎本武揚一地学者でもあった幕末・明治の政治家 *Эномото Такэаки – тигакуся-дэмоатта бакумацу мэйдзи-но сэйдзика*), несмотря на свою лаконичность, она содержит важные детали.

Что касается самого «Сибирского дневника», среди японских исследований существует несколько статей. Эномото Такамицу в «Изготовлении метеоритных мечей Рю:сэй Эномото Такэаки и статья о «Рю:сэйто» / Путешествие через Сибирь и «Сибирский дневник» (яп. 榎本武揚の流星刀製作と「流星刀記事」/シベリア横断旅行と『シベリア日記』 *Эномото Такэаки-но рю:сэйто сэйсаку-то рю:сэйто кидзи / Сибэриа о:дан рёко:-то Сибэриа никки*)

кратко описывают цель путешествия Эномото, некоторые обстоятельства его пути и разделение наблюдений посланника на категории. Дайго Рюма опубликовал работу «Русско-китайские отношения и Монголия на основе анализа “Сибирского дневника” Эномото Такэаки» (яп. 榎本武揚が見た露清関係とモンゴル — 『シベリア日記』を中心にして *Эномото Такэаки-га мита росин канкэй -то монгору: Сибэриа никки-о тю:син-ни ситэ*) в рамках «Великой монгольской выставки», проходившей в музее Университета Нагоя. Итидзаки Кэнсаку написал «Эномото Такэаки в Красноярске. На основе статьи профессора Дацышена В.Г.» (яп. クラスノヤルスクの榎本武揚. ダツイーシェン博士の論文とその発見資料に基づいて *Курасуноярусуку-но Эномото Такэаки. Даси:сэн хакасэ-но ромбун-то соно хаккэнсирё:-ни мотодзуйтэ*). Уникальная для российской историографии статья «Эномото Такэаки в Красноярске» Дацышена описывает события пробелов дневника за три дня с 20 по 22 августа во время пребывания Эномото в Красноярске на основе местных источников.

К сожалению, крайне малое количество японских материалов доступно для иностранных исследователей. Возможно, в силу вышеуказанной причины, в отечественном и западном востоковедении вопрос о жизни и деятельности Эномото не разработан в должной степени.

Источниковую базу, прежде всего, составляют оригинал «Сибирского дневника», «Материалы по Эномото Такэаки» (яп. 榎本武揚: 資料 *Эномото Такэаки: сирё:*) 1969 г. под редакцией Камо Гиити и «Неопубликованные письма Эномото Такэаки» (яп. 榎本武揚未公開書簡集 *Эномото Такэаки мико:кай сёкансю:*) 2003 г. под редакцией Эномото Такамицу.

Структура работы. В исследовании выделено три главы. В первой главе рассмотрены виды и классификация источников личного происхождения, наиболее подходящие методология и подходы при работе с ними. Описана японская дневниковая традиция, в том числе особенности дневников

путешествий периода Мэйдзи. **Вторая глава** рассказывает о жизненном пути Эномото Такэаки, включая его происхождение, образование, военную, дипломатическую, политическую и общественную деятельность. **Третья глава** посвящена непосредственно изучению «Сибирского дневника», представлены обстоятельства написания путевых записок, их описание, классификация. В этой же главе приведена краткая история восприятия России в японском обществе, что дает представление об информации, имеющейся на тот момент в Японии. Выведен образ России, основанный на материалах «Сибирского дневника».

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ЖАНРЫ

Прежде чем перейти к биографии, личности Эномото Такэаки и непосредственно анализу Сибирского дневника, последний целесообразно классифицировать, определить основные понятия, рассмотреть специфику, свойственную данным видам исторических источников, методологию, используемую в источниковедении, а также японскую традицию.

1.1. Источники личного происхождения

Дневники относятся к особой группе источников, связанной с индивидуальным опытом, – источникам личного происхождения. К ним можно также причислить: мемуары, автобиографии, личные переписки, исповеди, эссеистику. Различить разновидности можно по критерию целевого назначения и способах его достижения. По мнению Румянцевой М. Ф., именно источники личного происхождения последовательно выражают процесс самоосознания индивидуума и становление межличностных отношений.

При классификации подобного рода источников прежде всего определяется адресность коммуникационных связей. Они могут быть автокоммуникативными (дневники), обращенными автором к самому себе, или межкоммуникативными, с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, некоторые мемуары и автобиографии), и с нефиксированным (исповеди, эссеистика, «современные истории»). Как правило, вторые предполагают немедленную (эссеистика) или отложенную публикацию (большинство мемуаров). Первые же изначально не предполагали установления вторичных социальных связей, потому часть могла быть уничтожена авторами, другая – погибнуть в результате небрежного хранения. Изучение подобных источников зачастую затруднено их нахождением в личных фондах и частых коллекциях².

---

²Источниковедение: учебное пособие / Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б. и др.; отв. ред. Румянцева М.Ф. М., 2015. С. 348-350.

Коммуникации могут быть направлены в эволюционное или коэволюционное пространство (дневники, частная переписка), что в том числе влияет на сохранность исторических источников, их размещение и их поиск. Эволюционное целое предусматривает осмысление автором связи с предыдущими и последующими поколениями, а коэволюционное – с его современниками³.

Помимо этого, возможно условное деление с учетом внутренней мотивации автора. В таком случае источники личного происхождения разделяются на спонтанные, которые пишутся по собственным побуждениям, и спровоцированные, те, что создаются в ответ на влияние извне.

Являясь отражением личности автора, его жизненного опыта, взглядов, суждений, источники личного происхождения субъективны по своей специфике. Однако с точки зрения исследования личности, типичных явлений, микроанализа, они могут быть в той же степени достоверны, что и другие исторические источники. Более того, отбор, фиксация и трансформация информации автором в зависимости от его социального и служебного положения, национальности, общественных и политических представлений, могут представлять особую значимость для исследования. Несмотря на отпечаток личности автора, источник содержит относительно объективное описание прошлого и несет в себе отражение культурно-исторической специфики своего времени. Через источники личного происхождения можно посмотреть, как современниками могли восприниматься и оцениваться те или иные события, какие аспекты выдвигаются на первый план и как интерпретируются. Источники личного происхождения дают историку шанс прикоснуться к «живой истории», увидеть дополнительные контексты.

---

³Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М., 1998. С. 466-467.

Субъективность, присущая источникам личного происхождения, в том числе обусловлена временным разрывом между описываемым событием и моментом фиксирования. По прошествии времени может как исказиться сама память и воспоминания автора, так и измениться восприятие, оценка событий, отношение к ним. В зависимости от периода жизни и собственного положения человек может по-разному описать одни и те же факты или эпизоды, он может сосредоточить свое внимание на разных моментах и нюансах. Это, с одной стороны, ещё раз напоминает нам о субъективности подобного рода источников, а с другой – дает новое поле для исследования развития личности автора и его взглядов. Придерживаясь подобной точки зрения, наиболее интересным представляется сопоставление подхода к описанию историй. Разумеется, чем больше разрыв, тем больше вероятность упущения деталей. Человеческая память реконструктивна. Нельзя забывать об интересном феномене психики – конфабуляции, создании так называемых ложных воспоминаний. Данный феномен проявляется различными способами: частично видоизменяются некоторые факты, часть из которых может оказаться вымышленными; заполняются пробелы в воспоминаниях; добавляются детали. Люди не контролируют конфабуляцию, и распознавание ее в источниках крайне проблематично. Неудивительно, что анализ мемуаров, автобиографий, как правило, создающихся по истечении многих лет, требует знания основ психологии памяти. «Память – это сложный механизм, поселившийся в человеке, с которым можно обращаться только на “Вы”»⁴. Таким образом напрашивается вывод о том, что уровень субъективности источников личного происхождения будет варьироваться в зависимости от продолжительности временного разрыва. Если мемуары имеют высокий уровень субъективности, то дневниковые записи,

---

⁴Вульфсон Г.Н. Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории. Человек. Память Текст. Казань, 2001. С. 112.

как заметки, сделанные непосредственно после произошедшего или по истечении короткого промежутка времени, относятся к наиболее низкому⁵.

При работе с мемуарной литературой важна фактологическая проверка не только в силу искажения памяти пропорционально прошедшему времени, но и возможности прямой фальсификации. Подобная проблема относится по большей части к записям крупных исторических деятелей, особенно лидеров⁶. При их создании преследуются политические цели – компрометация или дискредитация. Люди ищут ответы на современные и волнующие вопросы в прошлом, в том числе и у выдающихся деятелей истории, чьи мысли «правильной направленности» используют и в идеологической борьбе. В целом, мотив фальсификации может быть как общественного характера, так и личного. Полностью поддельных мемуаров среди всего комплекса источников не так много, чаще встречаются сфабрикованные фрагменты. Не всегда ложные элементы злонамеренные, иногда они появляются после литературной обработки воспоминаний⁷.

1.2. Методология изучения источников личного происхождения

Источниковедческий анализ источников личного происхождения подразумевает изучение происхождения источника (авторства, обстоятельств создания, подлинности, мотивов написания), изучение содержания (степень достоверности, ангажированности), особенностей личностного восприятия автора и их отражения. Можно выделить несколько методов, наиболее часто применимых к подобным источникам.

Так, невозможно представить записи в отрыве от их составителя и его жизненного пути. Целостное раскрытие личности, идейных установок, кругозора автора помогает исследователю в работе с самим источником. Идеи имеют

---

⁵ Твердюкова Е.Д. Источники личного происхождения // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Сиренова А.В. М., 2015. С. 301-305.

⁶ Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001. С. 65-69.

⁷ Вульфсон Г.Н Там же. С. 107-108.

прямую связь с меняющимся социально-интеллектуальным пространством человека, в них они существуют. Важно понимать подоплеку суждений мемуариста. При этом оценка событий может меняться в зависимости от обстоятельств и времени написания. Сам индивид очень сложен, он способен реагировать настолько по-разному, что для исследователя со стороны, возможно, кажется непоследовательным⁸. Преодолеть описанные выше осложнения можно при помощи **историко-биографического метода**. Он направлен на описание, реконструкцию и анализ деятельности, жизни, психологического портрета исторической личности. При использовании биографического анализа изучается особый корпус источников: личные документы, т.е. мемуары, письма, дневники самого человека, воспоминания, свидетельства современников и вторичные источники, на основе чего делаются выводы об особенностях жизненного пути автора. Метод базируется на дедуктивном подходе, так как реконструкция биографии опирается на оставшиеся «следы» деятельности исторической личности в истории⁹. Часто возникает проблема неполноты источниковой базы, и биография воссоздается в фрагментарном, неполном виде. Ограниченность информации обуславливает отсутствие когнитивно-рефлексивной составляющей деятельности изучаемой личности. Труднодоступность источников, раскрывающих мотивацию человека в ситуациях выбора принятия решений также осложняет работу историка при оценке¹⁰.

Одной из особенностей данного метода является присутствие позиции исследователя в оценке личности автора. При этом стоит заметить, изучение и конструирование «чужого я» возможно только гипотетически. Сам историк, в свою очередь, исходит из собственного опыта и рассматривает «чужое я» через призму собственного «я», проведение аналогий, ассоциирование. Таким образом,

---

⁸Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // Альманах «THESIS». 1993. Т.1. Вып.1. С. 161.

⁹Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. Чубарьян А.О. М., 2014. С. 151-152.

¹⁰Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 СПб., 2006. Вып. 32. С. 107-108.

воспроизведение носит интуитивный-субъективный характер¹¹. Не существует единого способа понимания индивида, однако можно постараться представить жизнь человека во всем разнообразии, со всех сторон.

«Я» автора существует в социально-культурном пространстве. Для комплексного понимания и интерпретации текста необходимо учитывать широкие контексты, с помощью которых приобретает смысло-временная целостность. Восприятие должно отталкиваться от временных и культурных реалий. Поэтому, помимо анализа биографии и идей автора, требуется погружение в специфическую социокультурную среду, потоки времени, сохраняющиеся в ней¹². Важен учет неразрывной связи между историей идейных комплексов и интеллектуальной действительностью, социальными, политическими, религиозными и культурными контекстами, где первые порождаются, видоизменяются и распространяются¹³. Неудивительно, что объектом биографического анализа является жизнь человека, а предметом – социально-культурная ситуация, по отношению к которой первая обретает само значение истории, т.е. смысловое и временное единство (к ней можно применить понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления). Необходимо представить человека в «объективной драме прошлого», взглянуть не только на условия и обстоятельства его жизни, но и социально-диагностически посмотреть на общество, «среду» как на источник запросов, вызовов, нравственно-исторических апелляций¹⁴. Историческая симптоматика

---

¹¹Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и исторической науке // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Репиной Л.П. М., 2010. С. 29-33.

¹²Репина Л.П. Там же. С. 102, 106.

¹³Репина Л.П. Текст и контекст в интеллектуальной истории // Сотворение истории. Человек – память. Казань, 2001. С. 309.

¹⁴Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. М., 1981. № 9. С. 138, 142.

жизни человека отражает общественную судьбу и мировоззренческие установки¹⁵.

Выдающийся итальянский историк Джованни Леви утверждает наличие постоянной неразрывной связи между биографией и контекстом, изменение – следствие их взаимодействий. Он также задается вопросом акцентуации. Часто в биографиях отдается предпочтение судьбе деятеля, а не социальным реалиям в целом. Ученый же задается вопросом свободы – культурно и социально детерминированного ограниченного выбора в нормативной системе. Ведь последняя никогда не будет достаточно структурирована, чтобы полностью исключить какую-либо возможность сознательного выбора индивида. Джованни Леви считает, что «промежуточную» свободу следует изучать на основе биографии¹⁶.

Помимо этого, стоит выделить Кембриджскую школу, ее устойчивую методологию, опирающуюся на предельно контекстуальный и коммуникативный подход к изучению текстов, с приоритетным рассмотрением исторического контекста. «Контекст» – одно из центральных понятий для Кембриджского подхода. В его воссоздании заключается основная задача историка, т.е. ему нужно реконструировать исторические обстоятельства. Термин «contextualism» называют синонимическим для данного научного направления. Все подходы школы концентрируются на методическом исследовании различных контекстов. Природа высказываний коммуникативна, и Питер Ласлетт при помощи трех «контекстов» отделяет авторскую интенцию и идеологическое воздействие. Эти контексты задают разные смыслы, которые могут отличаться на этапе создания, публикации и дальнейшего восприятия¹⁷.

---

¹⁵ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья первая // Вопросы философии. М., 1981. № 7. С. 126.

¹⁶ Giovanni L. Les usages de la biographie. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1989. Vol. 44, Issue 6, December. P. 1333-1334.

¹⁷ Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Велижев М.Б., Атнашев Т.М. М. С.9-12.

«Интенция», или «авторское намерение», – это ещё одно важное понятие, выраженное Квентином Скиннером в вопросе «Что делал автор, когда писал свой текст?». Однако при этом стоит учесть, что самопроявление автора в тексте ограничено¹⁸. По Скиннеру, реконструкция оригинальных намерений деятелей прошлого в новых контекстах создает дистанцию, благодаря чему высказывания могут получить новые значения.

Для понимания смысла необходимо поместить текст в максимально широкий контекст вторичных сочинений, сравнивая их. Коммуникативный характер высказываний объясняется тем, что автор представляет свой аргумент и одновременно занимает позицию среди других. При этом внутри текста находятся несколько идейных уровней, взаимодействующих в произведении друг с другом.

Индивид живет в социуме, где функционируют те или иные дискурсы. Джон Покок, которого также принято относить к Кембриджской школе, в своем историческом методе предлагал определять дискурсы, доступные автору. Важно понять, от чего он мог отталкиваться в собственных воззрениях и размышлениях, поскольку парадигмы являются принятыми нормами и определяют ход мысли. Человек может обращаться к парадигме как осознанно, так и нет. Очень важно осмысление времени, помещение мысли в исторический контекст, в котором она появилась¹⁹.

Субъективный характер группы источников личного происхождения требует особого внимания к проверке материала на степень достоверности, что является одной из главных задач при работе с ним. Для установки достоверности исследователь должен обратиться к другим источникам, документальным

---

¹⁸Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Там же. С. 27-29.

¹⁹Покоч Д. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020. С. 10, 29.

материалам для сопоставительного анализа, в чем и заключается **сравнительно-исторический метод**.

Опыт прошлого можно понять в комплексной исторической картине. Субъективность, через которую проходит фактическая информация, выражает специфику своего времени. Но от этого текст не перестает быть историческим источником – подобный материал сам по себе становится базой для исследования. В нем содержатся коллективные представления о прошлом, массовые стереотипы. Репина Л. П. считает, что, изучая процессы в странах с иным историческим опытом, политическими и культурными традициями, надлежащее использование сравнительно-исторического метода поможет в выявлении характеристик «своего» и «чужого», а также расширению пространства работы²⁰.

1.3. Дневники и путевые заметки

Дневник – один из видов источников личного происхождения, представляет собой текст повседневного характера, периодически пополняемый с небольшими временными промежутками. В большинстве случаев, это закрытый, камерный жанр, но бывает, что изначально подразумевается возможность прочтения другими людьми. Предназначенные для публикации дневники выделяются в отдельную группу²¹. В таком случае появляется адресность, что приближает их к письмам.

Дневники не тождественны мемуарам, разница заключается в синхронности и ретроспективности. Датировка дневниковых записей, привязка реальных событий ко времени превращает их в свидетельства. Чаще всего записи повседневные, ведутся по дням, либо в тот же день, либо на завтра или в последующие дни – без значительного отрыва от произошедших событий. Как следствие, в силу минимального временного искажения, дневники считаются

---

²⁰Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М., 2005. С. 128-129.

²¹Чудакова М.О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 708.

более достоверными источниками. Короткий интервал предполагает наиболее точную передачу деталей, тускнеющих и стирающихся в памяти по прошествии лет. Отсюда вытекает ещё одна функция – документальность свидетельств. При этом дневники фиксируют процессы жизни в динамике, ещё не получившие развязку, соответственно их структурность слабее. Записи носят обрывочный характер, а последовательность повествования может отсутствовать. Разумеется, дневники не лишены субъективности, человек может что-то приукрашивать или недоговаривать, зачастую чтобы оправдать себя в собственных глазах.

Кобрин К. делит авторов дневников на три категории, которые также демонстрируют разные цели написания. Первая – записывающие ежедневные события своей жизни, обыватели. Вторая – политики, стремящиеся пролить свет на какие-то события, поведать правду, оправдать себя, разобраться с врагами. И последняя – люди искусства, использующие дневник не для простого пересказа своего жития, но скорее ради саморефлексии, творческого процесса, фиксации идей²². Различается манера ведения записей: некоторые авторы пишут сразу в тетради, кто-то делает заметки в записных книжках или на листках бумаги, а упорядочивают позже.

Дмитриев С. С. относит к дневникам, как к записям о текущих событиях и суждениях на каждодневной основе, записные книжки, рабочие блокноты, полевые книжки, календари с пометками, алфавиты контактов и т.д. Он также считает, что мемуары, авторы которых описывают события более отдаленного прошлого, всегда преследуют конкретную цель. Поэтому исследователю непременно надо обращать внимание на причину их ведения²³. Дневники же не всегда имеют столь явные намерения.

Условно, в зависимости от внешней формы, дневники можно разделить на следующие виды: путевые дневники («журналы»), дневники-медитации,

---

²²Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 289.

²³Вульфсон Г.Н. Там же. С. 104-105.

дневники-описания военных кампаний, дневники-хроники повседневной жизни²⁴.

Дневники могут нести функцию фиксации событий прошлого – стремление к точной передаче фактов, а также сохранение их для себя или потомков, закрепление для практических нужд, отчетности, самоанализа, фиксация отдельных мыслей. Они также могут служить «черновиком» будущих мемуаров, когда спустя время автор дополняет свои короткие записи эмоциями и деталями. В другом случае, дневниковые записи содержат повествование о себе, субъективные впечатления, заметки разрозненного характера. Не всегда задачи дневника демонстрируются напрямую. Даже обычные дневники, повествующие исключительно о событиях, имеют тенденцию смещаться к другим жанрам, потому отделение от иных записей представляет определенные сложности для исследователя²⁵.

У дневников есть формально-композиционные признаки: это датируемость, регулярность ведения, прерывистость и лаконичность записей. Вторая группа свойств – общежанровая: автокоммуникативный характер, синхронность фиксируемых событий (одна из важнейших характеристик), фактическая основа записей, отсутствие подведения итогов и обобщений.

Несмотря на автокоммуникативность жанра, автор дневника все равно знает, что его записи могут обнаружить, и, предполагая такой поворот, непроизвольно рассчитывает на потенциального читателя. К тому же некоторые дневники изначально предназначаются для публикации. Тут стоит упомянуть, что при подготовке к печати не исключены цензурные искажения.

Люди путешествовали всегда. В средние века путевые записки повествовали о странствиях купцов, светских путешественников, хождениях паломников в святые места. Цель пути обуславливала внимание путника.

---

²⁴Твердюкова Е.Д. Там же. С. 301, 304.

²⁵Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 53-54.

Например, паломники большое значение уделяли описанию святых мест и религиозными преданиями, а купцы – торговым операциям. В эпоху Великих географических распространились дневники морских и сухопутных экспедиций, плаваний и авантюры.

«Путевые записки» традиционно выделяются в качестве самостоятельной разновидности дневников. Житомирская С. В. считает данный вид промежуточной формой между дневником и воспоминаниями. Под последними подразумеваются любые рассказы отдельных людей об их прошлом, все, что они сами видели или слышали²⁶. Ещё встречается выделение воспоминаний о путешествиях в отдельную группу при разделении типов дневников и мемуаров²⁷.

Ключевой точкой для путевых записок является сам маршрут путешествия и его последовательное описание. Маршрут служит осью повествования. От цели путешествия и личности автора зависит наполнение заметок²⁸.

Главная особенность жанра заключается в описании автором и по совместительству путешественником увиденных собственными глазами географических, этнологических и социальных реалий в посещаемых им землях²⁹. В путевом дневнике фиксируются впечатления от природы, местных жителей, их быта, описание облика жилищ и самих людей. Сами описания, как правило, чередуются с личными переживаниями. Авторы изображают в записках архитектурные памятники, традиции и нравы, религиозные обряды, ценные торговые, ремесленные, земельные данные. Если автор хорошо образован, то его заметки сочетают в себе обычные наблюдения с анализом политического устройства, они сопровождаются экскурсом в историю, язык и этнографию. Обращается особое внимание на экзотику и на те явления, которые могут

---

²⁶Житомирская С.В. Там же. С. 46, 52.

²⁷ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.1. XV-XVIII века. / Под ред. Зайончковского П.А. М., 1976. С. 4.

²⁸Симеон Лехази. Путевые заметки. М.,1965. С. 12.

²⁹Сапрыкина Е.Ю., Шпагин П.И. Путешествие // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. Стб. 86-89.

заинтересовать человека в зависимости от собственного статуса, происхождения и времени, что в очередной раз демонстрирует важность биографического анализа для изучения источника. Для путевых заметок типично неизменное присутствие бытовой стороны дороги, описание встречаемых трудностей и опасностей, а также практические сведения. Свидетельства путешественников могут подтверждать исторические сведения.

Интерес к внешнему миру породил литературный жанр «путешествий из кабинета», встречаются и художественно-документальные описания странствий. Рассказ о путешествии «писателя» зачастую имеет противоположную путешествию купца, военного, политика или ученого задачу. Первого интересуют скорее внутренние переживания человека, а не внешний реальный мир во всей его полноте. Сочинения, ориентирующиеся на воображение, противопоставлены просветительским путешествиям с установкой на достоверность записей. Последние заложены Локком Д., Руссо Ж. Ж. и др., которые отдавали приоритет «полезности» странствий и подчеркивали важность личного опыта. По Руссо, это возможность увидеть собственными глазами и «угадать» собственным умом, то, что у других часто искажается или превратно истолковывается. «Нужно уметь путешествовать», для чего необходимо «создавать правила для наблюдения: нужен масштаб, к которому можно было бы относить все измерения»³⁰.

Матханова Н. П., изучая сибирские путевые записки начала XIX в., выделяет три группы заметок из путешествий по признаку вставных элементов, и четвертую с сильно отличным замыслом. Классические, заметки «в чистом виде», содержащие впечатления путешественника, где автор рассказывает о малоизвестных землях, природе, местном обществе, его быте и экзотике. Вторая группа – заметки, близкие к научным или деловым отчетам. Индивидуальный опыт сочетается с профессиональной терминологией,

---

³⁰Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М, 2017. С. 12, 15.

результатами исследований. Такие сочинения включают в себя наблюдения геологического, географического, климатического, этнографического характера, описание флоры и фауны, а также жизнь местного общества, характеристики административно-чиновничьего аппарата, отдельных его деятелей. Личное восприятие чередуется с объективной информацией. Авторами заметок выступают ученые, военные, государственные служащие, церковнослужители и т.д. Третья включает в себя беллетристику, публицистику, художественный вымысел. Описания увиденного часто обобщенные, приблизительные. В эту же группу входят записки, сочетающие черты корреспонденции и путевых заметок, рассказывающие о путешествиях высокопоставленных лиц. Четвертая разновидность – записки-путеводители. В них указываются достопримечательности, гостиницы, местные цены, предметы первой необходимости, расстояния между станциями, возможные сувениры³¹.

В корпусе источников, посвященных Сибири, путевые заметки со всеми своими видами составляют около 50%³².

Гуминский В. М. подчеркивает, что, путешествуя, автор встречается не только с преградами внешнего толка, т.е. природными, государственными, таможенными ограничениями, но и с внутренне-субъективными. Происходит столкновение мира путешественника с иным, который он оценивает с точки зрения собственного мира. Имеется в виду и языковой барьер, и стереотипы восприятия. По отношению к чужому миру сам путник непременно встает в позицию наблюдателя. Однако его положение может меняться – новое со временем становится привычным. С появлением опыта трансформируются и впечатления.

Интерес путевых заметок состоит в том числе в соединении сведений, известных из других источников, с ранее неизведанной информацией.

---

³¹Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Покровский Н.Н. Новосибирск, 2010. С. 78-84.

³²Там же. С. 87.

Путешественник-последователь может как подтвердить, так и опровергнуть выводы предшественников³³. Теоретические «предпосылки» путешествия могут разрушиться при столкновении с действительностью.

1.4. Японская дневниковая традиция

В японской традиции дневниковая литература занимает особое место, связанное, как с ранним появлением жанра, так и с его широким распространением. Зарождение дневников (яп. 日記 *никки*) относят к первой половине X в., а эссеистики (яп. 隨筆 *дзуйхицу*) к рубежу X и XI вв.

К художественным дневникам причисляют произведения, повествующие о событиях из жизни автора, в структурном плане в правильном хронологическом порядке, где автор выступает в качестве главного действующего лица. Разумеется, это не был дневник в прямом понимании слова, записывались сразу целостные крупные части, т.е. между записью и событием мог быть значительный временной разрыв. Характерно использование многочисленных стихотворных материалов. Произведения носили разные жанровые меты в зависимости от соотношения стихотворной и прозаической части³⁴.

У художественных и нехудожественных дневников, разумеется, большое количество схожих черт. Последние, однозначно, появились раньше, у них также много общего с историческими сочинениями и хрониками. Отличительная особенность дневниковой литературы – документальность. Даже художественные дневники предполагают достоверное описание действительности.

Жанровая мета *никки* использовалась по отношению к разным произведениям по принципу способа организации материала. Таким образом,

---

³³Гуминский В.М. Там же. С.4-6.

³⁴Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиции. СПб., 2001. С. 272.

だзуйхицу, путевые заметки (яп. 紀行 *кико:*) и литература женского потока были сгруппированы вместе.

Термин *никки* восходит к китайским *жи цзи*, «ежедневные записки». Самое раннее упоминание *жи цзи* встречается у философа Ван Чуна (27 – 97 гг. н.э.) в 13-м томе «Лунь хэна» (кит. 論衡 «Критические рассуждения») 80 г. Этим словом обозначались сочинения общей повседневной тематики. При этом понятие, о котором мы думаем сегодня, сильно отличается от старо-китайского значения. По существу, оно означало довольно широкий круг произведений, в том числе и придворные записи и хроники. Ван Чун также приводит несколько «синонимов» *жи цзи* 「日録」, 「日鈔」, 「日抄」, 「日疏」, то есть в Китае это не был отдельный жанр³⁵.

Уже в начале IX в. термин широко использовался и в Японии. На рубеже X и XI вв. существовал целый корпус художественных и не художественных дневников, писались они на языке *камбун*.

В эпоху Хэйан (794 – 1185) «дневники» велись придворными писцами на китайском языке. Дворцовый секретарь, «чиновник внутренних записей» (яп. 内紀 *найки*) составлял императорские рескрипты, а также в его обязанности входила запись придворных церемоний в специальном журнале *найки никки* (яп. 内紀日記 «Дневник чиновника внутренних записей»). Вел подобный журнал и секретарь Высшего императорского совета, «чиновник внешних записей» (яп. 外紀 *гэки*) – *гэки никки* (яп. 外紀日記 «Дневник чиновника внешних записей»), описывающий значительные политические события. Похожие «дневники»

---

³⁵ Судзуки Садами. Кё:до: кэнкю: хо:коку никки оёби никкибунгаку гайнэн-о мэгуру обоэгаки [Отчет о совместном исследовании: заметки о понятиях «дневник» и «дневниковая литература»]. Т. 44. Нихон кэнкю:, 2011. Р. 425-426.

встречались и у некоторых высших чиновников³⁶. В *никки* фиксировались актуальные события, личностное авторское начало в них отсутствовало.

Начиная с X в., вместе с развитием японской письменности, стали появляться «дневники» не только на *камбун*. Со слоговой азбукой аристократы эпохи Хэйан обратились к личностной тематике. *Никки* перестали быть способом закрепления внешних «общественных» фактов и превратились в личные мемуары, автобиографии. С этого момента «поденные записи» начали трансформироваться в то, что принято сейчас называть «дневниковой литературой» или *никки бунгаку* (яп. 日記文学).

Первые представители дневниковой литературы вели повествование от третьего лица. Это же касалось и классических дневников придворных дам, описывавших их собственные переживания, написанных по личным мотивам авторов. Один из первых дошедших до нас образцов дневниковой литературы – «Дневник путешествия из Тоса» (яп. 土佐日記 *Тоса никки*) Ки-но Цураюки (? – 946), он же отправная точка литературного жанра путевых заметов. Несмотря на форму дневника, «*Тоса никки*» не является «дневником» в общепринятом понимании. Его автор выступает не как главное действующее лицо, а как наблюдатель происходящего³⁷.

Первые **путевые дневники** начали появляться в VIII в. Они были посвящены рассказам японских путешественников о Китае, написаны также на *камбун*. Их составляли и многочисленные буддийские паломники к святыням не только Китая, но и Японии. Эти заметки содержали сведения разного характера, но объединены они храмовой или религиозной тематикой. Наиболее ранним дневником путешествий принято считать «Описание паломничества в страну Тан в поисках дхармы» (яп. 入唐求法巡礼行記 *Нитто: гухо: дзюнрэй ко:ки*)

---

³⁶Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X – XIII вв. М., 1975. С. 321-323.

³⁷Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991. С. 136-138.

буддийского монаха Эннина (794 – 864). Заметки на китайском лаконичны, описания не художественны, документальны. Дневник представляет ценность историко-этнографического характера: важная роль уделялась буддийским святыням, храмовой жизни. Первые сочинения были деперсонализированы, по большей части представляли собой фактографическое описание местности, суждения автора в них отсутствовали³⁸.

Жанр путевой литературы, или *кико: бунгаку* (яп. 紀行文学), имеет отчетливую идентичность. Он пересекается с дневниковой литературой, но не является ее подмножеством – не все путешествия закреплены в форме дневника. В японском литературоведении *кико: бунгаку* и *никки бунгаку* часто упоминаются в одном контексте и помещаются вместе в сборники сочинений. Путевые заметки часто создавались в рамках дневниковой литературы. Помимо этого, многие классические произведения относят к обоим жанрам, к примеру, «Дневник полнолуния» (十六夜日記 *Идзаёи никки*) ок. 1280 г. и «Записки о Приморском тракте» (яп. 海道記 *Кайдо:ки*) 1223 г.

До составления антологий *Гунсё Руйдзю:* (яп. 群書類従) XVIII в. и *Фусо: Сю:ё:сю:* (яп. 扶桑拾葉集) XVII в., где под *кико:* отводятся отдельные разделы, путевые дневники могли обозначаться как: «рассказ о путешествии императора» (яп. 行幸記 *гё:ко: ки*), «дорожные записки» (яп. 道の記 *мити-но ки*), «рассказ о паломничестве» (яп. 参詣記 *санкэй* или 巡礼記 *дзюнрэй*). Вышеупомянутые части заголовков, как правило, добавлялись переписчиками позднее. Таким образом выделялись записи о путешествиях в рамках широкого спектра произведений литературы *ки*. Термин *кико: бунгаку*, наряду с *никки бунгаку*,

---

³⁸Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006. С. 241-242.

явление новое – появился лишь в XX в. Традиция была уже заметна в поэмах о путешествиях (яп. 羈旅歌 *kirё ка*) антологии Манъёсю (VIII в.)³⁹.

В своей основе японские путевые дневники – рассказ о путешествии в прозе и стихах, где события излагаются в хронологическом порядке, а записи часто ежедневно датированы. Жанр в целом ориентирован на регулярность и документированность повествования. Разумеется, часть дневников была составлена позже, по возвращении автора. Кроме того, путевые дневники писались авторами по прошествии многих лет уже в преклонном возрасте, что больше напоминает мемуары ввиду большого временного разрыва.

В отличие от представителей дневниковой литературы, у путевых заметок форма рассказа от третьего лица не встречается: текст написан исходя из того, что путешествие – это часть опыта пишущего. У одного из родоначальников жанра, автора «Записок о Приморском тракте» (яп. 海道記 *Кайдо:ки*), лишь предисловие начинается с описания от третьего лица⁴⁰.

Дневники путешествий, написанные на *камбун*, в большей степени приближены к документальной литературе, ряд таких записок предназначался для архивов. Произведения на языке *вабун* часто содержат поэзию высшего порядка, их стиль более художественный. Можно проследить последовательное различие в тематике сочинений на китайском или приближенных к нему и на японском. Преимущественно же в *кико*: используется японско-китайское письмо (яп. 和漢混交文 *вакан конко:бун*) благодаря своей универсальности.

---

³⁹Plutschow H.E. Japanese Travel Diaries of the Middle Ages // Oriens Extremus. 1982. Vol. 29, No. ½. Harrassowitz Verlag, 1982. P. 2-3.

⁴⁰Kubukihara R., Edith S. Various Aspects of Diary and Travel Literature // Review of Japanese Culture and Society. Dec. 2007. Vol. 19, Aspects of Classical Japanese Travel Writing. P. 32-33.

При написании путевых заметок авторы во многом сознательно придерживаются особого литературного стиля. Неудивительно, что японская традиция обладает собственной спецификой и характерными элементами.

Путешественники стремились выбирать проверенные временем пути, посещать воспетые поэтами и описанные писателями места. При выборе маршрута существовали определенные паттерны. Прежде всего отдавалось предпочтение дальней поездке: вдаль от дома или столицы. В период Муромати (1338 – 1573) пользовалось популярностью описание пути туда-обратно, в это время также появились дневники путешествий без определенного пункта назначения. Часто путешествия начинались из столицы. Например, был маршрут Киото-Камакура, по нему следуют в «Дневнике полнолуния» и «Дороге в Сага и обратно» (яп. 嵯峨の通ひ路 *Saga-no kaёhi dzi*; ок. 1269). В таком случае путник шел по описанному в «Повести о Великом мире» (яп. 太平記 *Taiхэйки*), особенно оживленному в начале XIII в. тракту Токайдо. Выбор пути в том числе имел непосредственную связь с культурно-историческим фактором. В «Записках о Приморском тракте» оплакиваются жертвы «смуты годов Дзёкю» (яп. 承久の乱 *дзё:кю: но ран*) на пути по тому же тракту.

Неизменная литературно-поэтическая составляющая заметок проявляется в исторических литературных ассоциациях, использовании проверенных временем образов. Путешественники приводят как свои стихотворения, так и цитируют классиков. Они могут обращаться к известным произведениям, в которых появляется та или иная дорога, достопримечательность. Литературный экскурс – устойчивый художественный прием, пришедший из китайской традиции путевых дневников. Китаизмы в разных количествах являются ещё одним важным атрибутом *кико*:. Многие из них приближены к *камбун*. Авторы

нередко приводят строчки китайских стихов, ссылаются на знаменитые китайские сочинения⁴¹.

Стилю повествования присуща лаконичность и простота. В записках из путешествий упоминаются придорожные пункты, расстояние между ними, достопримечательности с присущими им характеристиками и т.д.

Жанр путевых дневников одновременно однороден и разнороден. Его категоризация представляет значительные трудности. Попытки классификации по проводятся по нескольким критериям.

Один из самых очевидных – по историческим периодам. Каждая эпоха характеризуется своими политическими, военными действиями и т.д., что приводит в том числе к увеличению количества поездок и путешествий. Помимо этого, меняется и культура, а вместе с ней смещаются и стилистические формы, например, форма стиха. Но у путевых заметок разных периодов больше сходств, чем различий, что делает подобное деление несостоятельным.

Географический критерий основан на направлениях, по которым совершались путешествия. Так, дневники путешествий были сгруппированы вокруг регионов Токайдо (яп. 東海道), Хокурику (яп. 北陸), Санъин (яп. 山陰) и Санъё (яп. 山陽) и др. Традиционно в определенные временные периоды японцы стремились странствовать в одни и те же места, т.е. существовали тенденции. Слабая сторона заключается в том, что дорога не влияет на развитие отдельных типов дневников.

Не менее важна и цель путешествия, она также может служить основой для классификации. Можно выделить официальные или полуофициальные и частные поездки. При этом отдельно идут дневники сопровождающих в путешествии *дзуйко*: (яп. 隨行). Они представляют собой официальные отчеты о

---

⁴¹Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиции. СПб., 2001. С. 278-282.

военных путешествиях, будь то сёгунских или императорских. Автором такого дневника выступал по приказу известный поэт. Таким образом *дзуйко*: направлены изначально не на автора, а на восхваление лидера и военных успехов. В официальные или полуофициальные поездки поэты приглашались для различных целей политическими и военными деятелями. В таком случае дневники часто становились упражнениями в искусстве поэзии. Частные путешествия зачастую совершались по религиозным мотивам. Между официальными и частными дневниками наиболее существенные различия: задача поездки влияла на стиль и содержание. Однако классифицировать путевые заметки по целям отправления в путь проблематично – нередко их получается определить лишь предположительно, если это возможно⁴².

В середине XIX в. Япония вошла в мировое сообщество. Начиная с эпохи Бакумацу (1853 – 1868) нарастали динамические преобразования в стране, их пик пришелся в период Мэйдзи (1868 – 1912), что ознаменовало комплексную модернизацию Японии. В начале периода Мэйдзи внешне изменения представляли «заимствование западной культуры» или *вакон ё:сай* (яп. 和魂洋才), что можно перевести как «японский дух – западные знания» по аналогии с лозунгом прошлого *вакон кансай* (яп. 和魂漢才 японский дух – китайские знания). Произошло столкновение с иной цивилизацией и с огромным потоком ее достижений. Вместе с открытием страны и осознанием многообразия мира появилась потребность определить значение собственной культуры, места и роли Японии в международном сообществе. Сперва европейская духовная культура воспринималась японцами монолитной. Им потребовалось время, чтобы «переварить» постепенно формировавшиеся в течение двух тысяч лет

---

⁴²Plutschow H.E. Japanese Travel Diaries of the Middle Ages // Oriens Extremus. 1982. Vol. 29, No. ½. Harrassowitz Verlag, 1982. P. 2-6.

идеи, обнаружить противоречия между существующими концепциями⁴³. Ещё больше времени заняла интеграция западной мысли в японскую парадигму.

Эпоха западного просвещения ознаменовала отход от традиционного мировоззрения. Не всегда пришедшая европейская цивилизация оказывала благотворное влияние. Встреча с чуждой культурой, основанной на материалистических ценностях, повергла японское общество в шок и стала для него серьезным испытанием. Японцы стремились как можно скорее избавиться от возникшего комплекса неполноценности. Для этого требовалось переосмыслить традиции, но сохранить культурную идентичность⁴⁴.

В эпоху Мэйдзи большинство японцев знакомились с внешним миром через личный опыт других: рассказы соотечественников, которым выдалась возможность побывать на Западе; переводы западных текстов. За границу могли позволить себе отправиться люди либо баснословно богатые, либо спонсированные государством, среди последних были и правительственных чиновники, участвовавших в первых дипломатических миссиях.

В ранние годы периода появился поток не всегда качественных переводов западной литературы. Читая их, средний японец приоткрывал для себя загадочный Запад без необходимого для понимания контекста.

Первые японцы, попавшие за рубеж, не считали западные страны однородными, но выделяли определенные схожие черты: сильная промышленность, наличие колоний, политическое превосходство над другими странами. Стоит уточнить, что под западными странами, прежде всего, имеются в виду Соединенные Штаты, Англия, Франция, Германия, Италия, Голландия и Россия, поскольку именно туда в основном отправлялись японские подданные.

---

⁴³Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века. М., 2014. С. 41–42.

⁴⁴Скворцова Е.Л. Влияние западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии // Вестник культурологии. М., 2020. №1. С. 39, 42.

Многие из них делали заметки о своем опыте и состоянии Запада, благодаря чему в период Бакумацу и Мэйдзи появился целый ряд *кико*., посвященный Западу.

Писатели-путешественники в дневниках комментируют западное общество, тем самым отражая изменение взглядов на Запад. Параллельно изменилось восприятие написания путевых заметок: литература о путешествиях, как и многие другие явления, несколько вестернизировалась, сохраняя при этом прочную традиционную основу. *Кико*: *бунгаку* периода Мэйдзи демонстрировала влияние Запада. С появлением нового направления путешествий возросло значение личного опыта, испытаний, пережитых по пути, логистики путешествия. Японцы как бы «копировали» чужеродный стиль, за что путевые записки подвергались критике на родине, ибо «теряли связь» с собственной эстетикой.

Несмотря на разные мотивы и цели фиксирования, дневники о путешествиях по началу предназначались не для широкого читателя, а для небольшой группы официальных лиц или знакомых. Во многих случаях это были частные публикации, которые могли быть переизданы позже, лишь некоторые работы получали более широкое распространение.

После 70-х гг. XIX в. печать рассказов о путешествиях несколько стандартизировалась. Произошел переход от частных-единичных записок к публичным-серийным рассказам в известных газетах и журналах, что сказалось на увеличении составляющей содержания, посвященной развлечениям⁴⁵.

Таким образом были рассмотрены виды и жанры источников личного происхождения, методология их изучения. Классификация «Сибирского дневника» приведена в третьей главе данной работы.

---

⁴⁵Fessler S. Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912. University of Michigan Press, U of M Center for Japanese Studies, 2004. P. 6-9.

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ ЭНОМОТО ТАКЭАКИ (1836 – 1908)

Рассмотрение биографии Эномото Такэаки имеет принципиальное значение для анализа «Сибирского дневника». Японский посланник оценивает все то, что он видит, с точки зрения представителя определенных взглядов, носителя собственного жизненного опыта, выходца из конкретного сословия. Мы посчитали целесообразным привести весь жизненный путь Эномото Такэаки, не ограничиваясь отрезком, предшествующем написанию «*Сибэриа никки*».

2.1. Ранние годы (1836 – 1869)

Эномото Такэаки или Камадзиро: (яп. 榎本釜次郎) родился 5 октября 1836 г. Он был вторым сыном в самурайской семье Эномото Такэнори (Хакода Рё:сукэ, яп. 箱田良助) в Эдо. Изначально сельский самурай, Хакода был учеником известного геодезиста и картографа Ино: Тадатака (яп. 伊能忠敬), в 1818 г. его усыновила семья Эномото. Позже Такэном получил статус *гокэнин* (яп. 御家人) и тем самым стал прямым вассалом сёгуна⁴⁶.

Благодаря отцу Камадзиро получил блестящее образование: классическое конфуцианское и европеизированное военно-морское. Обучение, в особенности стажировка за границей, во многом определило его взгляды и дальнейшее жизненное направление. Эномото Такэаки был одним из образованнейших людей своего времени, а также одним из первых японских дипломатов. Современники Эномото называли его «универсальным человеком».

Первым учителем Камадзиро стал конфуцианский ученый Танабэ Сэкиан (яп. 田辺石庵; 1781 – 1857), профессор Академии Сёхэйдзака (яп. 昌平坂学問所, *сё:хэйдзака гакумонсё:*). После чего в период с 1851 по 1854 гг. Эномото уже обучался в самой Сёхэйко. В 1854 г. Камадзиро в качестве личного

---

⁴⁶Сува Канэнори. Эномото Такэаки – тигакуся-дэмоатта бакумацу мэйдзи-но сэйдзика [Эномото Такэаки – политик периода Бакумацу и Мэйдзи, который также был геологом]. Тигаку кагаку, 2008. №. 62. Р. 415–416.

сопровождающего Хори Тосихиро (яп. 堀利熙; 1818 – 1860), главного управляющего в Хакодате, отправился на семь месяцев на Эдзо и Сахалин. Вернувшись, Эномото продолжил свое обучение в Эдо.

С прибытием кораблей Перри бакуфу задумался о создании современного флота: были закуплены военные корабли западного образца; Япония обратилась к Нидерландам с просьбой обучить своих военно-морских офицеров. Так в 1855 г. было основано военно-морское училище в Нагасаки (яп. 長崎海軍伝習所 *Нагасаки кайгун дэнсю:дзё*), место с множеством ценных специалистов-преподавателей из Голландии, куда Эномото поступил в начале 1857 г. Учебный план был ориентирован в сторону навигации и европейских наук. Занятия велись на голландском языке, тогда же Камадзиро начинает изучать и английский язык в частном порядке. В основном он осваивал двигателестроение и химию. Усердие Эномото было отмечено майором Виллемом Хюссен ван Каттендийке, одним из голландских преподавателей училища. Среди профессоров стоит выделить Й.Л.К. Помпе ван Мирдервурта, оказавшего большое влияние на современную японскую медицину. У них с Камадзиро сложились теплые отношения: позднее Эномото пригласил Помпе в качестве дипломатического советника в Петербургской миссии. Учебное заведение просуществовало недолго, после его закрытия Эномото был вынужден закончить учебу уже в Военно-морском училище в Цукидзи, Эдо (яп. 軍艦操練所 *Гункан со:рэндзё*), где достиг выдающихся результатов. В итоге, Эномото сразу же позвали читать там лекции. Камадзиро использовал эту возможность, чтобы посещать уроки знаменитого переводчика Накахама Мандзиро (яп. 中浜万次郎, так же известного как Джон Мандзиро; 1827 – 1898) и заниматься с ним английским языком с 1858 по 1860 гг.

С 1862 по 1867 гг. Эномото, офицер военно-морского флота, вместе с группой студентов из 15 человек отправился учиться в Европу. Большинство

молодых людей обучалось в тех же военно-морских заведениях, что и Камадзиро. Занимались на стажировке искусством морской войны. Помимо них, в группе были двое в дальнейшем важных общественно-политических деятелей эпохи Мэйдзи, члены просветительского общества Мэйрокуся (яп. 明六社) – Ниси Аманэ (яп. 西周; 1829-1897) и Цуда Мамити (яп. 津田真道; 1829 – 1903), они постигали социологию и юриспруденцию. Изначально, в 1861 г., бакуфу планировало отправить студентов в Америку, но из-за начала гражданской войны между Севером и Югом пришлось искать ей замену. К тому же сёгунат заказал в Голландии военный корабль, что и стало причиной изменения места обучения на Голландию. Голландский был на тот момент единственным иностранным языком, изучаемым в изолированной Японии, инструментом штудий западных знаний.

В Европе Эномото осваивает не только корабельное дело и мореплавание, но и вдобавок естественные науки и международное морское право. Именно во время своего пребывания в Европе Эномото овладел в совершенстве голландским, английским, немецким и итальянским языками. Во время обучения он вел дневник, где, в том числе, фиксировал профессиональную терминологию на иностранных языках и делал заметки о происходящем – «*Оранда никки*» (яп. 渡蘭日記 «Голландский дневник»). Камадзиро и остальные японцы добились больших успехов в своем обучении⁴⁷.

Молодой Эномото имел поручение дожидаться завершения строительства заказанного бакуфу в Голландии военного корабля «Кайё:мару» (яп. 開陽丸) и доставить его в Японию. На фрегате «Кайё:мару» Эномото возвращается на родину вместе с другими студентами в 1867 г. «Кайё:мару» был одним из первых

---

⁴⁷Шиплюк В.А., Варенов А.В. Биография Эномото Такэаки: ранние годы, учеба и начало карьеры // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации. Сборник материалов III Национальной научной конференции с международным участием. Владивосток, 2020. С. 151–153.

современных военных кораблей Японии с паровым двигателем и парусами, самым крупным и мощным японским кораблем в то время. После этого начинается стремительный карьерный рост Эномото. В том же 1867 г. он становится капитаном «Кайё:мару», а уже на следующий год – заместителем командующего военно-морским флотом⁴⁸.

С началом гражданской войны **Босин** (1868 – 1869) развернулась борьба между сторонниками новой власти, императора Муцухито, и старой, сёгуна Токугава Ёсинобу. Силовое превосходство оказалось не на стороне бакуфу. В начале мая 1868 г., когда масштабы катастрофы стали очевидны, армия сёгуната капитулировала. Однако война на этом не закончилась. Часть сторонников сёгуната продолжила оказывать сопротивление правительству Мэйдзи.

Эномото Такэаки в то время был уже 31 г, он достиг звания адмирала флота. По статусу *гокэнин* Эномото считался прямым вассалом сёгуна. Эномото также не смог признать новое правительство. Когда войска ушли из Эдо, адмирал тайно вступил с северо-восточным союзом в сговор; они пообещали помочь друг другу, когда придет время. Когда Эномото и его сподвижники услышали о восстании кланов в Муцу и Дэва, они посчитали, что правительство уже не сможет им противостоять, и решили действовать.

В течение августа 1868 г., Эномото вместе с Мацудаира Таро (яп. 松平太郎; 1839 – 1909), Араи Икуносукэ (яп. 荒井郁之助; 1836-1909) и Нагаи Наююки (яп. 永井尚志; 1816 – 1891) увели стоявший на рейде в Синагаве флот из нескольких кораблей: боевых – «Каитэнмару» (яп. 回天丸), «Банрю:мару» (яп. 蟠竜丸), «Кайё:мару», «Тиёдагата» (яп. 千代田形); транспортных «Синсокумару» (яп. 神速丸), «Тё:гэимару» (яп. 長鯨丸), «Микахомару» (яп. 美

---

⁴⁸Накамура Ёсикадзу. Россия Эномото Такэаки – первого посланника в России. Из книги «Нитиро исёку–но гундзо» («Другая картина японо-российских отношений»). Токио, 2014 // Япония 2016. Ежегодник / Под ред. Стрельцова Д.В. М., 2016. С. 147.

賀保丸) и др. Эти корабли образовали более сильную эскадру, чем была у императорского правительства, и до определенного момента являлись козырем повстанцев. Число людей на борту флота, по некоторым оценкам, составляло около 3000 чел., среди которых были солдаты, матросы и множество людей, принадлежавших к клану Токугава⁴⁹. «Кайё:мару», капитаном которого был Эномото, тогда имел репутацию лучшего судна в Японии. Фрегат был хорошо оснащён, на нём имелось 26 пушек, мощность двигателей составляла 400 лошадиных сил⁵⁰.

После отплытия флота Эномото отправил правительству письмо, где объяснялась причина невыполнения приказа. Основные положения сообщения заключаются в следующем: армия и флот отправили ходатайство в адрес главнокомандующего; весь флот находился в состоянии беспокойства из-за приказа о сдаче военных кораблей, и поэтому он отошел к побережью провинций Ава и Кадзуса в ожидании приказа главнокомандующего. Они убедительно просят не рассматривать данный шаг как дезертирство⁵¹.

На письмо последовала ожидаемая негативная реакция. 10 октября императорский двор издал постановление, в котором говорилось, что флот ушел после того, как новый глава семьи Токугава заверил власти в том, что его вассалы не будут возобновлять сопротивление. Поэтому Эномото и его сподвижников обвинили в акте мятежа. Правительство объявило их «пиратами Токугава» и оповестило об этом иностранных агентов, чтобы они не контактировали с Эномото и его сторонниками. Были также выпущены листовки, запрещающие предоставлять мятежникам припасы. За «пиратами» не признавался статус воюющей стороны, что дискредитировало оппозицию и выражало отношение правительства Мэйдзи к ним как к преступникам⁵².

---

⁴⁹Hillsborough R. Shinsengumi: The Shogun's Last Samurai Corps. Tuttle Publishing, 2005. P. 30.

⁵⁰Yamaguchi K. Kinse Shiriaku A history of Japan, from the first visit of Commodore Perry in 1853 to the capture of Hakodate by the Mikado's forces in 1869. Trans. Sir Ernest Satow. Wilmington, 1876. P. 119.

⁵¹Black J.R. Young Japan: Yokohama and Yedo, Vol. II. London: Trubner & Co., 1881. P. 203-205.

⁵²Satow E.M. A Diplomat in Japan. Philadelphia, 1991. P. 395, 401-402.

На угнанном флоте находились французские офицеры во главе с капитаном артиллерии Жюлем Брюне, а также М. Казнёвом, присоединившиеся без ведома нового министра М. Аутри, что весьма раздосадовало французскую миссию, объявившую о своем нейтралитете⁵³.

Когда восстание на главном острове было подавлено, а северные кланы покорены, Эномото и его сторонники, находившиеся в Сэндай, вместе с кораблями остались без укрытия и потому отправились в Эдзо⁵⁴. Оотори Кэйсукэ (яп. 大鳥圭介; 1833 – 1911) также оступил и присоединился к ним. Хакодатэ был взят быстро без особого сопротивления. Вскоре повстанцы захватили крепость Мацумаэ, Эсаси, Татэ, Кумаиси, Камэда и т.д.

В декабре 1868 г. повстанцы провозгласили «Республику Эдзо». Власть была призвана защищать интересы самураев. За основу конституции было взято всеобщее избирательное право. Однако представители низших сословий (торговцы, ремесленники и др.) лишались права голоса. Основными избирателями оставались самураи. Впервые данное государственное образование было названо «республикой» Франсисом Оттиуэллом Адамсом в «Истории Японии, Том II, с 1865 по 1871», после чего представители Запада стали также использовать это название. Путем публичного голосования Эномото Такэаки стал президентом, Мацудаира Таро – вице-президентом, Араи Икуносукэ – морским министром, Оотори Кэйсукэ – военным министром, Хидзитака Тосидзо (яп. 土方歳三; 1836 – 1869) – помощником военного министра и министром по колонизации. Форт в Камэда был назначен штаб-квартирой, губернаторов разместили в Хакодатэ, Мацумаэ и Эсаси для управления местными делами. Эномото обратился к императору с предложением поставить во главе «Республики Эдзо» представителя дома Токугава и

---

⁵³Satow E.M. Ibid. P. 395.

⁵⁴Ravina M. The Last Samurai: The Life and Battles of Saigo Takamori. New Jersey, 2004. P. 163.

потребовал признания республики у Эдо. Правительство отвергло это предложение⁵⁵.

Эномото пытался наладить отношения с иностранцами. Он дал интервью консулам, проживавшим в Хакодате, военным представителям Англии и Франции. Эномото обратился к ним с просьбой придерживаться нейтралитета, пообещал принять решения по деловым вопросам, которые могли бы возникнуть в отношении контролируемого им порта. Эномото также гарантировал защиту имущества и жизни иностранцев. 9 марта 1869 г. иностранные консулы признали республику Эдзо⁵⁶.

Эномото обещал французам выплачивать пожизненную пенсию за службу республике. На Эдзо представители Франции руководили строительством укреплений и военными операциями. Французские инструкторы во главе с Брюне фактически командовали сухопутными войсками.

Пока силы оппозиции превосходили силы правительства на море, власти не могли предпринять какие-либо активные меры против Республики Эдзо. Тем не менее, они перехватывали все поставки на мятежные суда. В итоге республика Эдзо занимала деньги у иностранных государств, предоставив в залог свои природные ресурсы. После окончания гражданской войны правительству Мэйдзи пришлось выплатить долги Эномото⁵⁷.

В ноябре у берегов Эсаси из-за сильного шторма «Кайё:мару» налетел на скалы. Потеря основного фрегата свела на нет превосходство Эномото. Боевая мощь повстанцев значительно сократилась, они стали терять и другие корабли. Правительство же приобрело несколько мощных судов и получило заем от Англии и США на организацию экспедиции против Эдзо. Таким образом императорская сторона перешла в апреле к началу активных действий⁵⁸. Столь

---

⁵⁵Очерки новой истории Японии (1640–1917) / Под ред. А.Л. Гальперина. М., 1958. С. 194.

⁵⁶Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954. С. 93.

⁵⁷Шиплюк В.А. «Пираты Токугава» — оппозиция на севере Японии во время войны Босин // Китай и соседи. Сборник материалов 6-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. СПб., 2021. С. 398-399.

⁵⁸Ballard G.A. The Influence of the Sea on the Political History of Japan. London: John Murray, 1921. P. 121.

же стремительно, как повстанцы захватывали территории, правительственный флот отвоевывал их обратно. Вскоре оставалось вернуть лишь Хакодатэ.

Незадолго до того, как повстанческая армия сильно пострадала, произошел интересный обмен любезностями между сторонами. Эномото отправил двухтомник «Полного собрания международных морских законов» (яп. 万国海府全書 *банкокукаифудзэнсё*), переписанный им собственноручно во время стажировки в Голландии. Правительственная сторона в знак благодарности подарила пять сосудов сакэ как «небольшое утешение» для офицеров и самураев, а также рис, уголь, воду и рыбу⁵⁹,⁶⁰. Оба тома «Полного собрания международных морских законов» прекрасно сохранились до наших дней. На данный момент книги содержатся в отделе архивов и гробниц Управления Императорского двора Японии (яп. 宮内廳書陵部 *кунаитё:сёрё:бу*).

Осознавая близкое поражение, множество повстанцев, в том числе и французы, дезертировали и сдались правительственным войскам.

26 июня самурай Тадзима Кэйдзо убедил Эномото и его соратников сдаться. 27 июня 1869 года гарнизон Хакодатэ перешел к командующему императорской армии Курода Киётака (яп. 黒田清隆; 1840 – 1900). После капитуляции Эдзо Эномото и его сторонников обвинили в государственной измене и посадили в тюрьму.

В течение нескольких месяцев Эномото оставался фактическим правителем в Эдзо. Пока он был сильнее на море, любые действия правительства против него оказывались безуспешными. Однако флот Эномото в конечном итоге зависел от суши и поставок провизии, боеприпасов для поддержания эффективной боеспособности. Какое-то время Эномото смог сохранять

---

⁵⁹Yamaguchi K. Kinse Shiriaku A history of Japan, from the first visit of Commodore Perry in 1853 to the capture of Hakodate by the Mikado's forces in 1869. Trans. Sir Ernest Satow. Wilmington, 1876. P. 145.

⁶⁰Adams F.O. History of Japan, Vol. II, 1865 to 1871. Completing the work. London: King, 1875. P. 199.

независимость, но конечная победа всегда была сомнительной. Война Босин стала пиком в военной карьере Эномото Такэаки, где он смог проявить собственные амбиции, проявить все свои знания и способности на деле. Многие исследователи характеризуют его как опытного и смелого командира, талантливого морехода.

2.2. Дипломатическая служба (1870 – 1885)

Следующим этапом в жизни и карьере Эномото Такэаки стала дипломатическая деятельность. Эномото наиболее известен подписанием Петербургского договора 1875 г., однако на этом его вклад во внешнюю политику Японии не заканчивается. Не меньшей заслугой является победа японской стороны в судебной тяжбе с Перу под названием инцидент «Мария Луз». После чего в течение нескольких лет принимал участие в Китайской миссии, принимал участие в подписании Тяньцзиньского договора.

В японском обществе того времени существовала тенденция возвращения «мятежников», бывших на стороне Токугава, на правительственные посты. Правительство нуждалось в людях с западными знаниями, владеющими языками и с опытом пребывания за границей⁶¹. Эномото Такэаки как раз являлся одним из них. В заключении он пробыл два с половиной года, после чего благодаря Курода Киётака был освобожден в январе 1872 г. Курода на тот момент руководил колонизацией Хоккайдо и занимался проблемой обоих северных островов – в том числе Сахалина. Сам Курода придерживался позиции дипломатической гибкости и отказа от последнего в пользу Российской Империи. Под его руководством Эномото около двух лет осваивал северные земли.

Для Японии территориальные споры важно было разрешить до начала военных действий в Корее. У России же возникли очередные проблемы на Балканах. Обе страны стремились прийти к скорейшему консенсусу. В попытках переговоров в 1871 – 1873 гг. японская сторона проявляла крайнюю настойчивость и в дальнейшем придерживалась следующей позиции: она была

---

⁶¹Hane M. Modern Japan: A Historical Survey. Nashville: Westview Press, 2009. P. 108.

готова отдать весь Сахалин при условии получения всех островов Курильской гряды. Одновременное освоение двух северных островов для Японии было экономически невыгодно. Получение Курил должно было успокоить внутреннюю оппозицию, поддержать чувство национального единства⁶².

Местом ведения переговоров был избран Санкт-Петербург. Проведение переговоров в России являлось единственным способом не допустить вмешательства других великих держав. Изначально японским посланником был назначен первый министр иностранных дел эпохи Мэйдзи Сава Нобуёси (яп. 沢宣嘉; 1836 – 1873), однако он умер от болезни, так и не успев вступить в должность в 1873 г.⁶³. Когда встал вопрос о выборе нового посланника в Россию, Эномото Такэаки оказался наилучшим кандидатом. Сыграло важную роль и влияние Курода Киётака. 18 января 1874 г. Эномото вступил в должность и стал первым действующим посланником Японии в России.

Согласно инструкции, выданной Эномото, МИД Японии был готов отказаться от Сахалина, что фактически указывалось впервые, но при этом также подчеркивался факт многолетнего владения половиной острова и требования за него компенсации в виде Урупа вместе с прилегающими островками, или же в виде всего Курильского архипелага, предоставления наиболее благоприятных условий для рыбаков⁶⁴. Изначально инструкции хранились в тайне и были обнародованы Эномото только на решающем раунде переговоров.

Поверенным в делах Японии тогда был К.В. Струве. Он также получил инструкции: добиться получения прав на весь Сахалин. Вести же переговоры с

---

⁶²The Emergence of Meiji Japan. The Cambridge History of Japan. Vol. 5 The Nineteenth Century. John W. Hall, Marius B. Jansen, Madoka Kanai and Denis Twitchett eds. Cambridge University Press, 1989. P. 740.

⁶³Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкэй–то Сахаринто: [Японо-российские отношения и остров Сахалин]. Токио: Тикумасёбо:, 1994. P. 230.

⁶⁴Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII-XIX вв. Владивосток, 1997. С. 77–78.

российской стороны предстояло директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову⁶⁵.

Эномото Такэаки прибыл в Петербург в июне. Посланник почти сразу же получил аудиенцию у Александра II, где императору были вручены верительные грамоты и документы по делу «Мария Луз». Японскому послу был устроен крайне радушный прием.

Переговоры начались в августе, проходили в несколько этапов и активизировались в ноябре 1874 г. Первый этап – по большей части традиционный обмен любезностями, однако этим он не исчерпывался. Эномото потребовал судебного разбирательства поджогов и убийств, совершенных русскими каторжниками в южной части Сахалина.

На следующем раунде Эномото предложил провести границу по природному рельефу Сахалина, Стремоухов же заявил, что это не решит проблему совместного проживания. После чего 24 декабря поступило предложение от российской стороны обменять Южный Сахалин на Курилы к югу от четвертого пролива и установить границу по проливу Лаперуза. Эномото Такэаки выдвинул два проекта по разрешению вопроса: Российская Империя уступает Уруп вместе с прилегающими островками и возмещает Японии стоимость ее собственности на Сахалине, или отдает всю Курильскую гряду. Стремоухов отклонил оба плана.

Ключевым стал шестой раунд, когда Эномото объявил о готовности передачи всего Сахалина России взамен на равноценную компенсацию в виде Курильских островов, и таким образом был достигнут консенсус. На седьмом этапе был представлен проект договора, и спустя месяц – 25 апреля – был заключен Петербургский трактат, составленный на трех языках (русском, японском и французском) в двух экземплярах и подписанный с российской стороны А. М. Горчаковым, с японской – Эномото Такэаки.

---

⁶⁵Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 280.

Договор предполагал отказ Японии от острова Сахалин и уступку Российской Империей Японии всей Курильской гряды. Россия также обязалась выплатить компенсацию за строения, сооруженные японцами на Сахалине. Поскольку остров перешел под полный контроль России, его жители должны были подчиняться ее законам, но при этом они могли выбирать, остаться в России или уехать в Японию. Япония получила преимущество в виде разрешения на беспошлинную торговлю в порту Корсаков на 10 лет⁶⁶.

Петербургский договор стал для Японии первым договором, основанным на принципах равенства и уважения национального суверенитета. Его заключение ознаменовало собой конец длительных разногласий между двумя сторонами по пограничному вопросу и начало «добрососедских» отношений⁶⁷.

В Японии факт подписания трактата долгое время скрывался, поскольку уступка острова могла вызвать недовольство сторонников вторжения в Корею и тех самураев, которые в принципе не жаловали текущий внешнеполитический курс правительства Мэйдзи⁶⁸. К тому же, еще до того, как Эномото отправился в Россию, уже начались волнения из-за самих будущих переговоров по Сахалину. Но утечка информации все же произошла⁶⁹.

Мнения правительства и общественности разделились. Первое рассматривало трактат как дипломатическую победу и первый шаг по устранению неравноправных договоров. Общество, напротив, считало унижительным обмен японской территории на «японскую» и крайне бурно отреагировало на факт сокрытия договора⁷⁰. По возвращении на родину Эномото столкнулся с критикой в свой адрес в связи с его деятельностью в Петербурге.

---

⁶⁶Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб, 1891. С. 292–296.

⁶⁷Очерки новой истории Японии (1640–1917). Там же. С. 225.

⁶⁸Акидзуки. Ibid. P. 242.

⁶⁹Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1: с конца XVI в. до 1917 г. / Под ред. Жукова Е.М. и др. М., 1973. С. 135.

⁷⁰Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Иокибэ М. М., 2015. С. 98–99.

Интересно отметить, что сам Эномото считал инструкции правительства слишком лояльными и специально затягивал переговоры.

Помимо урегулирования территориального вопроса, у Эномото в Петербурге имела еще одна задача – разрешение японо-перуанского конфликта, «**Инцидент Мария Луз**». Российская Империя была выбрана для третейского суда в затяжной тяжбе, раскрывшей миру практику продажи людей в Японии. Посланнику следовало представлять Японию, т.е. разрешение дела зависело во многом от Эномото.

9 июля 1872 г. перуанское судно «Мария Луз» прибыло в порт Иокогама для починки. С него бежал китайский рабочий, которого подобрал британский военный корабль и передал властям Канагава. 231 китаец жили в условиях, близких к каторге. Рабочий сообщил о жестоком обращении с ним и другими и попросил защиты у японских властей, с чего и началось данное дело⁷¹.

По пути в Россию Эномото пригласил в качестве дипломатического советника упомянутого ранее Помпе ван Мирдервурта Й.Л.К. Последний специализировался на медицине и химии, однако также обладал обширными знаниями в области международного права, знал как испанский – официальный язык Перу, так и французский – язык международного общения в XIX в. Данное обстоятельство благоприятствовало Эномото в его нелегкой задаче продолжения переговоров с Россией и Перу. Для более успешного ведения как территориальных переговоров, так и суда, Эномото брал дополнительный курс лекций у Помпе по международному праву.

В письмах из России к своей семье Эномото упоминает арбитражный суд по делу «Марии Луз» и юридический спор с выступавшим от Перу дипломатом Хосе Антонио де Лавалье, называя его «тяжелым». От Эномото и Лавалье зависели конечные аргументы сторон. Разбирательство проводилось под бдительным присмотром таких крупных стран как Великобритания, США, Франция и Нидерланды. 29 мая, ознакомившись с материалами дела, Александр

---

⁷¹Downer L. Women of the Pleasure Quarters: The Secret History of the Geisha. Broadway, 2002. P.96–97.

II одобрил подготовленный МИДом Российской Империи вердикт. 13 июня его объявили Эномото – решение было принято в пользу Японии⁷².

Инцидент с «Марией Луз» – не только одна из первых дипломатических побед против неравных договоров годов Ансэй, но и первое значимое достижение дипломатии азиатского региона. Кроме того, это первое японское судебное расследование, соответствующее международным стандартам. Победа Японии важна с точки зрения развития и прав человека, и судебной системы⁷³.

Заключительный эпизод в дипломатической карьере Эномото – **миссия в Китае**. Для разрешения корейского вопроса дипломатическая миссия под руководством Ито Хиробуми направилась в Тяньцзинь, Эномото Такэаки же выступил в качестве сопровождающего. Япония надеялась, что получится урегулировать отношения так, чтобы удержать Цинский Китай от дальнейшего вмешательства в дела Кореи. Проследить деятельность и роль конкретно Эномото Такэаки во время миссии в Китае проблематично, однако мы знаем, что Эномото с 1882 года находился в Пекине и на момент переговоров продолжал свою службу в Китае в качестве посланника. Ему дали тайные инструкции: прибегнуть к помощи сэра Гарри Паркса, британского дипломата, дабы выяснить намерения Ли Хунчжана. Если последний откажется договориться с Японией относительно Кореи, японское правительство вынуждено будет действовать в собственных национальных интересах⁷⁴.

Выступавший с китайской стороны Ли Хунчжан был обеспокоен войной с Францией, поэтому он с легкостью пошел на компромисс с Японией. 18 апреля 1885 г. был подписан Тяньцзиньский договор, также известный как Конвенция Ли-Ито. Китай и Япония обязались вывести свои войска из Кореи в течение

---

⁷²Дайго Рюма. Мария Русу дзикэн–о мэгуру кокусайтю:сайсайбан – нихон сёсё:со–э–но мити [Международный арбитражный процесс по делу Марии Луз – путь к первой судебной победе Японии] // матиканэ хо:сэй дзя:нару [Журнал о законе и политике Матиканэ]. № 1. Осака, 2012. Р. 4–11.

⁷³Шиплюк В.А. Судебный процесс «Мария Луз» – ступень на пути к отмене неравноправных договоров годов Ансэй // Востокведение: Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. 12–23 апреля 2021 г. Новосибирск, 2021. С. 34–35.

⁷⁴Keene D. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852-1912. Columbia University Press, 2002. P. 398–400.

четырёх месяцев; ни одна из стран не будет заниматься обучением корейской армии; прежде чем отправить войска в Корею, необходимо уведомить другую сторону о данном решении. Фактически, соглашение лишило Цинский Китай претензии на исключительное право сюзеренитета над Кореей и привело к совместному протекторату Японии и Китая, и, помимо этого, подтвердило право Японии на отправку войск на континент⁷⁵.

Дипломатические заслуги были высоко оценены японским правительством, вследствие чего авторитет и статус Энмото Такэаки возросли, началось продвижение по карьерной лестнице. Показателем признания Энмото стало присвоение ему титула виконта в мае 1887 г.⁷⁶. Бывший посланник вливается во внутривластную структуру.

По приезде из Петербурга на родину Энмото становится одним из главных специалистов в вопросах, касающихся Российской Империи. Каждый раз, когда нужно было решать вопросы с Россией, обращались к Энмото Такэаки. Так, после инцидента в Оцу в 1891 г., Энмото назначили министром иностранных дел ввиду вероятности отправки министра в Россию для улаживания конфликта. В 1902 г. было создано японо-российское общество, куда Энмото любезно пригласили на место председателя.

2.3. Политическая и общественная деятельность (1885 – 1908)

По возвращении из Китая в период с 1885 и вплоть до 1897 г. Энмото Такэаки занимал ряд министерских постов. Первым назначением стала должность министра коммуникаций в Первом Кабинете Ито 1885 – 1888 гг., главной задачей которого было создание японской конституции⁷⁷. Последнюю приняли в 1889 г., она провозглашала неограниченную власть императора, объявляя его персону «неприкосновенной и священной», вдобавок Япония отождествлялась с императорским домом. На церемонии декларирования

---

⁷⁵Hsu I.C.Y. The Rise of Modern China. Oxford University Press, 2000. P.337.

⁷⁶Дзюсякю: дзирэй [Жалование титулов и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1887. №1169. P. 1.

⁷⁷Дзёнин [Отставка] // Кампо:. Токио, 1885. №744. P. 11–12.

конституции Японской Империи Эномото выступил в качестве распорядителя. Следующим премьер-министром стал Курода Киётака (1888 – 1889 гг.). Эномото сохранил за собой свой предыдущий пост. Поскольку Курода занял более высокую должность, место министра сельского хозяйства и торговли освободилось, и на небольшой промежуток времени туда назначили Эномото Такэаки⁷⁸.

После убийства министра образования Мори Аринори (яп. 森有礼; 1847 – 1889) в день провозглашения конституции 1889 г., Эномото стал его преемником на данном поприще и, соответственно, покинул пост министра коммуникаций⁷⁹. По указу императора Эномото должен был установить стандарты нравственного воспитания. Однако, судя по всему, Эномото был не особенно заинтересован подобной деятельностью и недоволен должностью в целом, что не могло не отразиться на его работе. Как итог, в середине мая 1890 г. его сместили⁸⁰.

Незадолго до увольнения Эномото, 11 мая 1891 г. была совершена попытка покушения на цесаревича Николая Александровича (в последующем Николая II) полицейским Цуда Сандзо в городе Оцу во время трехнедельного пребывания Николая в Японии в ходе его кругосветного путешествия. Японская сторона пыталась сделать все возможное, дабы загладить конфликт. В Киото прибыли правительственная делегация и император Мэйдзи с профессорами медицины из Токийского университета и православным епископом Николаем Касаткиным. Столь вопиющий инцидент требовал соответствующих мер и наказаний: несколько министров сняли с постов, в том числе и местного губернатора, поскольку признали их ответственными за происшедшее, Цуда посадили в тюрьму, где он вскоре скончался⁸¹. В урегулировании инцидента Эномото Такэаки была отведена следующая роль: он должен был сопровождать принца

---

⁷⁸Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1885. №1522. Р. 1.

⁷⁹Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1889. №1716. Р. 3.

⁸⁰Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1890. №2063. Р. 1–2.

⁸¹Подалко П.Э. Романовы в Японии. Из истории августейших контактов // Япония 2003–2004. Ежегодник (под ред. Э. В. Молодякова). М., 2004. С. 309–313.

Арисугава-но-мия Такэхито в Россию для принесения извинений⁸². Однако российская сторона заявила, что можно не посылать миссию, и ее отменили. Правительство Мэйдзи, предполагая возможную необходимость в отправке министра иностранных дел в Россию для принесения извинений, решило перестраховаться и поручить должность министра иностранных дел Эномото 29 мая⁸³. На новом poste Эномото Такэаки также пробыл не очень долго – 8 августа 1892 г. он ушел в отставку вместе с премьер-министром Мацуката Масаёси⁸⁴.

В январе 1894 г. Эномото вернулся, но уже как министр сельского хозяйства и торговли во время второго срока Ито Хиробуми (с 1892 по 1896 гг.)⁸⁵. Данная должность стала для Эномото последней в его карьере политика. Причиной ухода с политической арены послужил инцидент с загрязнением медной шахты Асио. Минеральные стоки от горнодобывающей деятельности, по сути, являющиеся токсинами, и минеральный дым наносили серьезный ущерб сельскому, лесному хозяйству и рыболовству в префектуре Гумма. Загрязнение окружающей среды началось ещё в 1880-х гг. Однако тогда не было законов, регулирующих стоки предприятий, соответственно, никакие меры не применялись, что и наблюдалось в Асио: токсичные химические вещества выбрасывались в реки⁸⁶. Ситуация достигла апогея в 1896 г., когда потоп преумножил и без того огромный ущерб. Ответное движение общественности возглавил политик и эколог Сёдзо Танака (яп. 田中正造; 1841 – 1913). После потопа в наиболее пострадавших районах, предлагая освободить затопленные сельскохозяйственные угодья от государственных налогов, он организовал людей для решения проблемы и тем самым положил начало одному из первых

---

⁸²Кю:тэйрокудзи [Дворцовые записи] // Кампо:. Токио, 1891. №2361. Р. 1–4.

⁸³Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1891. №2373. Р. 2.

⁸⁴Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1892. №2735. Р. 1.

⁸⁵Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо:. Токио, 1894. №3168. Р. 1.

⁸⁶Development of environmental legislation // Веб-архив Виртуального центра АТЭС по обмену технологий окружающей среды. URL: https://web.archive.org/web/20030306225434/http://www.apec-vc.or.jp/co-op/pollution/docs/no_014.htm (Дата обращения 13.02.2023).

массовых гражданских движений в Японии. Добыча полезных ископаемых не была прекращена. Разумеется, об этом сообщили в газетах, что послужило толчком для массового митинга в Токио. Несмотря на подавление демонстрации воинскими частями, около половины митингующих сумели подать петицию в соответствующие государственные инстанции. Так движение приобрело известность⁸⁷.

18 числа на вопрос Сёдзо власти совместно с Эномото Такэаки ответили, что правительство не участвует в мировом соглашении, поскольку это гражданский вопрос. Данное заявление вызывало бурную реакцию в виде второго митинга в Токио в еще больших масштабах. 24 марта Эномото посетил шахту и учредил комитет по исследованию медных рудников Асио. Сразу же после этого, 27 числа, Эномото подал в отставку⁸⁸.

Эномото Такэаки одно время являлся членом Тайного совета (яп. 樞密院 *сумицуин*; 1888 – 1947), изначально созданного для разработки конституции Японии. Покинув пост премьер-министра, Ито Хиробуми стал первым председателем Совета. Тайный совет являлся неформальным органом власти, несмотря на свое название, имена участников были известны. К сожалению, мы не располагаем информацией о роли Эномото в деятельности Совета⁸⁹.

Эномото был в высшей степени активен в **общественных делах**. Он принимал участие и стоял у истоков огромного множества ассоциаций. Среди наиболее значимых мероприятий можно выделить три: открытие Токийского географического общества, Токийского университета сельского хозяйства и пионерская попытка Эномото создания японской колонии в Мексике.

---

⁸⁷Shoji K., Sugai M. Industrial pollution in Japan // Архив сайта университета Организации Объединенных Наций. URL: <http://archive.unu.edu/unupress/unupbooks/uu35ie/uu35ie00.htm#Contents> (Дата обращения 13.02.2023).

⁸⁸Дзёнинкю: дзирэй [Отставка и назначения на должность] // Кампо.: Токио, 1897. №4119. P. 12–13.

⁸⁹Beasley W.G. The Rise of Modern Japan, 3rd Edition: Political, Economic, and Social Change since 1850. New York, 2000. P. 68.

В начале эпохи Ватанабэ Хиромото (яп. 渡辺洪基), Набэсима Наохиро (яп. 鍋島直大), Нагаока Мориёси (яп. 長岡護美), (яп. 花房義質) и Эномото Такэаки, находясь в дипломатических миссиях, познакомились с европейским опытом и захотели применить наиболее успешные, по их мнению, проекты у себя на родине. 18 апреля 1879 г. они вместе учредили Токийское географическое общество (яп. 東京地学協会 *То:кё: тигаку кё:кай*). Это одно из старейших академических обществ образца западной научной мысли. Первоначально оно состояло из государственных деятелей, политиков и аристократов, а не ученых-геологов. Обязанности председателя исполняли как сам Эномото, так и Китасиракава-но-мия Ёсихиса, Канъин-но-мия Котохито, Токугава Ёримити и другие. Лишь с 1970 г. общество возглавили ученые-исследователи^{90, 91}.

В 1891 г. Эномото Такэаки открыл частную академию Икуэй (яп. 私立育英 齋 *сирицуикуэйко:*) в Токио на базе организации Токугава Икуэйикай 徳川育英会. В академии был учрежден факультет сельского хозяйства. В то время национальная сельскохозяйственная школа делала приоритетным теоретическое образование. Эномото Такэаки же настаивал на необходимости образования с упором не только на теорию, но и на практическую подготовку. Идея Эномото была пионером «практицизма»⁹². Главной целью сельскохозяйственного факультета Икуэй была подготовка высококлассных специалистов в сфере агрокультуры и распространение современных сельскохозяйственных технологий в японском государстве. В 1893 г. факультет выделился в Токийскую частную сельскохозяйственную академию. В 1925 г. был создан нынешний

---

⁹⁰ Энкаку [История] // Официальный сайт Токийского географического общества. URL: <http://www.geog.or.jp/profile/history.html> (Дата обращения 11.01. 2023).

⁹¹Исида Рюдзиро. То:кё: тигаку кё:кай хэннэнсико: [Ежегодная история выпуска Токийского географического общества]. Т. 78, № 3. Токио: Тигакузасси, 1969. Р. 83–84, 97–98.

⁹²То:кё:но:гё:дайгаку кэнгаку–но со Эномото Такэаки–то–ва [Основатель Токийского сельскохозяйственного университета. Кто такой Эномото Такэаки] // Официальный сайт Токийского сельскохозяйственного университета. URL: https://www.nodai.ac.jp/admission/info/frontier/takeaki_enomoto/ (Дата обращения 20.02. 2023).

Токийский сельскохозяйственный университет (яп. 東京農業大学 *То:кё:но:гё:дайгаку*)⁹³. На сегодняшний день университет считает Эномото своим основоположником.

В конце XIX в. в Японии появляется концепция «Японской миссии». Эномото, как один из инициаторов южного направления экспансионизма, с его колониально-эмиграционными идеями оказал влияние на создателей концепции. В колонизации Эномото видел как средство обеспечения безопасности Японии от возможного вторжения империалистских стран в Юго-Восточную Азию, так и способ сохранения морских коммуникаций через Индийский океан. Свои идеи Эномото Такэаки выражал через публикации Токийского географического общества, где также поднимались вопросы военной экспансии на юг⁹⁴. Занимая пост министра иностранных дел, Эномото представил свой аргумент в пользу колонизации, заключающийся в том, что следует поощрять покупку или аренду земли в зарубежных странах и расселения там эмигрантов, что должно финансироваться самой Японией как отдельный проект⁹⁵. Свою политику Эномото подтвердил созданием Департамента эмиграции в Японии, для защиты собственных граждан за границей⁹⁶.

После ухода в отставку Эномото Такэаки, разумеется, не оставил свою идею и продолжил планирование японской колонии в Мексике (яп. 榎本植民地 *Эномото Такэаки сёкуминти*, так называемая «колония Эномото»). В 1893 г. для

---

⁹³То:кё:но:гё:дайгаку–но аюми [Этапы истории Токийского сельскохозяйственного университета // Официальный сайт Токийского сельскохозяйственного университета. URL: <https://www.nodai.ac.jp/about/history/> (Дата обращения 20.01.2023).

⁹⁴Верисоцкая Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток, 2005. С. 182–189.

⁹⁵Сёкуминрон–то куни–но иминсэйсаку [Колониальная доктрина и миграционная политика страны] // Официальный сайт столетия японской эмиграции в Бразилии. URL: https://www.ndl.go.jp/brasil/s1/s1_2.html#k1_4_1 (Дата обращения 20.01.2023).

⁹⁶Иминка сэтти–ни кансуру гаймудайдзин–но икэн [Мнение министра иностранных дел по поводу создания Департамента эмиграции] // Официальный сайт столетия японской эмиграции в Бразилию. URL: <https://www.ndl.go.jp/brasil/text/t008.html> (Дата обращения 20.01.2023).

воплощения данного проекта он основал Общество колонистов (яп. 殖民協会 *сёкуминкё:кай*), которое позже превратилось в Японско-Мексиканскую колониционную компанию (яп. 日墨拓殖会社 *нитибокутакусёкугайся*), она ежегодно приобретала землю. В 1897 г. общество отправило 36 японцев в Мексику, в основном бывших самураев, исключительно мужчин, для создания колонии. Однако из-за нехватки средств и неблагоприятных условий проект просуществовал крайне недолго: эмигранты один за другим бежали, и к следующему году колония рухнула⁹⁷. В 1900 г. Эномото передал свою должность и ушел из Японско-Мексиканской колониционной компании. В 1967 г. в Акакоягуа, штат Чиapas, был установлен памятник-obelisk, посвященный 70-летию колонии Эномото⁹⁸.

Доказав собственную ценность для страны, в период с 1885 по 1897 г. Эномото занимал ряд важных правительственных постов. После ухода с политической арены он обратил внимание на еще один способ развития страны посредством развертывания общественной деятельности в разных областях. Эномото пытался применить к Японии свой зарубежный опыт, реализовать наблюдаемые им иностранные практики. Учреждение Токийского географического общества внесло ценный вклад в развитие естественных наук, создание Токийского университета сельского хозяйства способствовало внедрению принципа совмещения теории и практики в сфере сельского хозяйства. Несмотря на недолгое существование колонии Эномото, она оставила крайне важный след в японо-мексиканских отношениях. Вслед за «Колонией Эномото» началась миграция в Перу (1899 г.) и Бразилию (1908 г.), появилась ниша латиноамериканских исследований.

---

⁹⁷ Цунояма Юкихиро. Эномото Такэаки–то мэксико сёкуминидзю:(2) [Эномото Такэаки и коллонизация Мексики] // Кайнсай дайгаку кэйзай ронсю:[Сборник экономических исследований университета Кансай]. Т. 35, №1. Кансай, 1985. Р. 40–43.

⁹⁸ Османов Е.М., Шиплюк В.А. «Южный экспансионизм»: попытка создания японской колонии в Мексике в эпоху Мэйдзи (1868 – 1912 гг.) // ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык 2022. СПб., 2022. С. 161-163.

***

19 октября 1905 г. Эномото Такэаки ушел в отставку в звании вице-адмирала⁹⁹. В июле 1908 г. у него ухудшилось здоровье, 26 октября недуг взял свое, и Эномото скончался от болезни почек в возрасте 72 лет. Была организована военно-морская похоронная процессия со всеми почестями в храме Китидзёдзи в Токио. Современники высоко ценили заслуги Эномото перед страной, без преувеличения Эномото Такэаки можно назвать одной из ключевых фигур в становлении сильной Японии.

За свой жизненный путь Эномото оставил письменное наследие: письма, правительственные отчеты и путевые дневники. Часть из них была опубликована, другая оцифрована Национальной парламентской библиотекой и не только. Наиболее известным можно назвать «Сибирский дневник», написанный Эномото Такэаки во время его возвращения на родину через Сибирь после окончания миссии в России в 1878 г.

---

⁹⁹Ихо: [Информационная сводка] // Кампо.: Токио, 1905. №6694. Р. 17–19.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ РОССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «СИБИРСКОГО ДНЕВНИКА» ЭНОМОТО ТАКЭАКИ

После подписания Петербургского договора Эномото Такэаки не сразу покинул Российскую империю. Японский посланник занимался сбором различной информации. Так, им была переведена книга Владимира Васильевича Атласова, содержащая описание Японии, работа французского миссионера «Ситуация в Корее», написанная на голландском языке. Дипломат изучал историю продвижения России на Дальний Восток, собирал сведения о доходах и расходах Российской Империи, дополняя их своими заметками.

В 1877 г. началась русско-турецкая война, Эномото был вынужден задержаться для наблюдения за событиями в Европе. Часть дипломатических отчетов Эномото для японского МИДа находится в оцифрованном виде в открытом доступе электронного каталога Национальной парламентской библиотеки Японии. Помимо этого, насчитывается около 114 личных писем Эномото за тот период. На данный момент они также находятся в фонде национальной библиотеки, большая часть не опубликована. Некоторые из них демонстрируют благосклонность российских властей к японскому посланнику: его часто приглашали на дворцовые банкеты, балы, светские мероприятия; Эномото было позволено посещать военные корабли и другие вооружения в Кронштадте.

Стоит отметить, что японский посланник умел завоевывать расположение к себе и заводить друзей в высших эшелонах власти Российской Империи. За четыре года, проведенных в Петербурге, Эномото обзавелся связями в кругах интеллигенции, где он пользовался большим уважением. Помимо обаяния, вызывала любопытство и жизненная история Эномото – путь, проделанный им от лидера повстанцев до дипломата. Благодаря этому Эномото Такэаки сумел снискать симпатию как Посьета К. Н., Путятин Е. В., так и в императорской семье и др. В том числе благодаря этому дипломатическая деятельность Эномото была успешной.

23 июля 1878 г. в Александровском дворце Царского Села для японца была проведена прощальная аудиенция у Александра II.

3.1. «Сибирский дневник»

В конце XVI в. пало Сибирское ханство, открыв путь России на восток, и в XVII в. землепроходцы устремились осваивать новые территории. Покорив Сибирь, нужно было не только заселить ее, но и закрепить, четко обозначив свое присутствие в регионе. Активное освоение началось в лишь 1850-х гг. Особенных усилий требовал Дальний Восток – прежде всего, было необходимо создание инфраструктуры. Время путешествия Эномото Такэаки пришлось на момент, когда Приморский край уже вошел в состав России, а его центром стал только что основанный в качестве опорного пункта город-порт Владивосток. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали на тот момент еще не началось.

В XIX в. Сибирь, хоть и была частью Российской империи, в сознании даже русского человека оставалась землей экзотической, чужеродной. В том числе благодаря художественной литературе, за Сибирским краем закрепился образ земель «праведных богатств», изобилия и свободы, бескрайних просторов и первозданной природы, но при этом нераздельно связанный с каторгой, тягостным трудом, лишениями и борьбой. Сибирь была местом, где обитали полудикие племена, которые непременно должен был просветить русский народ, где находила пристанище казачья вольница и куда отправлялись бесстрашные землепроходцы¹⁰⁰. Для японцев Сибирь и Дальневосточный край представлялись не только чем-то неведомым, но и источником потенциальной угрозы ввиду своей загадочности и близости к Японии.

Ещё будучи на службе в подчинении у Курода Киётака на Хоккайдо, Эномото заинтересовался Сибирью и перспективой ее исследования. В то время Эномото Такэаки занимался изучением потенциала заселения острова и

---

¹⁰⁰Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987. С. 194.

освоением целинных земель. В поисках полезных ископаемых, минералов, преимущественно каменного угля, он посетил множество местностей и за два года успел фактически обойти весь остров, придерживаясь по большей части юго-восточной стороны. Эномото преодолел путь от провинции Осима, центром которой являлся Хакодатэ, до Исикари, откуда через провинцию Сорати отправился в Саппоро, после чего, пройдя вдоль побережья округа Хидака, дошел до Эримо, снова сделал поворот на восток и в итоге смог добраться до Нэмуру. Примечательно, что во время геологической разведки зачастую Эномото шел как простой горнорабочий. По указу Эномото была установлена первая метеорологическая станция в Хакодатэ. В процессе его полевых исследований было обнаружено угольное месторождение Хоронаи, где качество угля превышало качество угля на Кюсю. Впоследствии Хоронаи стало одним из исторически важных и крупнейших мест угледобычи Японии¹⁰¹.

Таким образом, к моменту назначения на должность посланника, у Эномото Такэаки уже имелся опыт полевых экспедиций в северных землях, ему было с чем сравнить Сибирь. Правительство Японии придавало большое значение развитию севера страны. Самого Эномото также многое связывало с островом. Изучение Сибирского региона было важно Эномото в том числе в контексте освоения схожего по климатическим условиям Хоккайдо. Исследование технологий, сельскохозяйственных культур, геологических и географических особенностей, различных практик применимых в Сибири могло дать новые возможности для развития острова.

Когда настало время возвращения на родину, посланник воспользовался сложившимися обстоятельствами и выбрал необычный сухопутный маршрут через Сибирь вместо морского. Основная цель Эномото Такэаки – узнать реальное положение дел в России и выявить степень потенциальной угрозы для его родины. Японское правительство, очевидно, тоже было заинтересовано в исследовании территории, информации о размещении российских войск. Кроме

---

¹⁰¹Игуро Ятаро. Эномото Такэаки–дэн [Биография Эномото Такэаки]. Токио: Яманисёбо:, 1968. Р. 194.

того, в японском обществе того времени существовала, по мнению самого Эномото, чрезмерная боязнь российской угрозы: многие японцы очень боялись как самой Российской Империи, так и возможного вторжения на Хоккайдо. Положение позволяло Эномото Такэаки изучить территорию России, понять действительную обстановку ради будущего Японии. Желание развеять страхи в отношении России японский посланник выразил в письме к жене от 1 января 1877г. Краткая история восприятия северного соседа японским обществом будет описана дальше.

Следует обратить внимание ещё на одну цель Эномото. Япония только встала на путь превращения в мощную империю. Правительству Мэйдзи нужно было преодолеть угрозу колонизации, сделать страну независимой и достаточно сильной, чтобы стать равноправным членом мировой политической арены. На момент миссии в Петербурге Россия была более развитым государством, успешные практики которого можно было интегрировать в стране в будущем, что понимал и Эномото Такэаки. Путешествуя по России, в первую очередь он обращал внимание на промышленный сектор, используемые в нем технологии. Особенно посланник выделял процесс золотодобычи, посетив большое количество золотых приисков. Ему довелось наблюдать в том числе за процессом промывания россыпных месторождений. Помимо этого, Эномото отметил культивирование растений Приамурья, образцы которых ему любезно предоставили. Дипломат рассматривал возможность их культивации на севере Японии. Ещё из Петербурга он отправил семена льна, дыни и других растений в Комиссию по развитию Хоккайдо для пробного выращивания. Рассуждал Эномото и об установлении торговых связей между Россией и Японией: многочисленные телеги с китайским чаем навели его на мысль об экспорте японского.

Эномото готовился к путешествию через Сибирь. В первый день приезда в Москву он встретился с Петром Шумахером (1817 – 1891), известный современникам как поэт-сатирик. Последний в молодости работал управляющим золотыми приисками Базилевских, Бенардаки, Рюминых. Позже за годы службы

в качестве чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Муравьеве-Амурском, Шумахер исследовал большие территориальные массивы, составляя историю края и занимаясь описанием населения, а также увиденного на берегах Амура (Хэйлуңцзяна). Несколько исторических очерков были выпущены в конце 1870-х гг., в том числе освещалась тема сношений России с Китаем. Шумахеру также доводилось встречать декабристов, и сам он был критически настроен относительно российской действительности. Проезжая Восточную Сибирь, приближаясь к Дальнему Востоку, Эномото читал на английском и немецком языках труды Пржевальского Н. М. «Монголия и страна тангутов» и «Путешествие в Уссурийском крае».

Подробным отчетом об обратном пути Эномото Такэаки стал его «Сибирский дневник», стратегически важные путевые заметки, где посланник описал увиденное. Записки наполнены разнородной информацией и содержат данные об расположении гарнизонов, количестве войск, административно-политическом устройстве российских городов, некоторых законодательных аспектах, производственных технологиях, российско-китайской торговле. По пути Эномото делал заметки и о климатических, ландшафтных особенностях, ресурсах, флоре, фауне, населении, продуктах питания, ценах, языке, малых народностях и т.д.

У Эномото Такэаки было трое сопровождающих: второй секретарь японской дипломатической миссии и по совместительству переводчик русского языка Итикава Бункити (яп. 市川文吉; 1847 – 1927); изучавший в России технологию изготовления медных пластин, О:ка Кинтаро: (яп. 岡金太郎); студент, обучавшийся в Санкт-Петербургском университете, Тэрами Киити (яп. 寺見機一; 1848 – 1903).

Эномото обдумывал два маршрута: альтернативная дорога рассматривалась в случае, если порт Владивосток будет заблокирован

британцами в связи с напряжением отношений с Россией в ходе Балканского кризиса. В таком случае, после остановки в Улан-Удэ японская делегация доехала бы до Кяхты, далее в Улан-Батор, после чего через пустыню Гоби добралась бы до Пекина, откуда отправилась бы в Японию. Данный вариант Эномото Такэаки описал в одном из писем к жене. Англо-российский конфликт утих, и запасной план не пригодился.

Утвержденный путь начинался в Царском селе, откуда делегация отправилась в Нижний Новгород через Москву, далее делала остановки в Казани, Перми, Екатеринбурге. После чего японцы въехали в Тобольскую губернию, с которой, по словам Эномото, «начиналась настоящая Сибирь». Была сделана остановка в Тюмени, после которой изначально планировалось отправиться в Томск водным путем. Но поскольку путешественники опоздали на пароход, Эномото принял решение не задерживаться в городе на неделю и вместо этого поехать сухопутной дорогой. Следующий крупный город – Красноярск, далее следует Иркутск. Начиная с Пермской губернии, посланнику неоднократно встречались вереницы телег с китайским чаем, берущих свой путь из Кяхты, что определенно вызывало интерес к пограничному городу. Эномото решил несколько отклониться от первоначального маршрута и вместо того, чтобы сразу после пересечения Байкала направиться в Читу, заехал сначала в Кяхту, дабы понаблюдать за состоянием русско-китайской торговли и границы с Китаем, а также оценить возможности торговли Японии с Россией. На обратном пути японский посланник посетил Тамчинский дацан, расположенный на озере Гусином. После Читы была сделана остановка в Нерчинске, откуда путь был продолжен вдоль Амура. Сплаваясь по реке, делегация посетила Албазин, Благовещенск, китайский Айгунь и Хабаровск. На своем пути японская делегация останавливалась в бесчисленном количестве сел, деревень и дорожных станций. После этого уже по суше 29 сентября дипломат добрался до Владивостока, где сел на пароход «Хакодатэмару», организованный Курода

Киётака, и вернулся в портовый город Отару на Хоккайдо 4 октября. Какое-то время Эномото Такэаки оставался в Саппоро; в Токио он вернулся 21 октября.

Путешествие осуществлялось на некоторых участках поездом, пароходом, преимущественно на самые дальние дистанции использовался крытый тарантас. В общей сложности японская делегация за 66 дней преодолела расстояние в 11288 км: железной дорогой 1000 км – из Петербурга в Нижний Новгород через Москву; водным путем 4600 км – по Волге и Каме до Перми, через Байкал, по Амуру и Уссури; на тарантасе – 5650 км.

Наиболее сложная и протяженная часть пути пришлась на тарантас (40 дней из 66). Экипаж был рассчитан на двух пассажиров, японская миссия приобрела два таких в Перми. В дневнике Эномото нередко сравнивает последний с орудием пыток, из-за тряски в нем было почти невозможно спать. Крайне ненадежное транспортное средство, которое иногда переворачивается. Самый длинный промежуток маршрута от Тюмени до Томска был преодолен за 6 дней (9 по 15 августа) круглосуточной дороги.

Вторым бедствием были сибирские насекомые: всевозможный гнус, комары, мухи, мошкара и даже пчелы. Защищаться от них было почти невозможно. На станции Ингашево от насекомых избавлялись при помощи огня, где-то спасал сигаретный дым. Дискомфорт вызывали и постельные клопы, их Эномото называет в дневнике на голландском «*wandluis*», по-японски 「ワンドロイス」. Путешественники использовали репелленты – порошок от насекомых, но это не помогло, и по ночам они не могли спать.

«Сибирский дневник» Эномото Такэаки представляет собой две небольшие записные книжки. Первая размером 22 см на 18 см, вторая – 11 см на 6 см. На самой последней странице первого блокнота можно найти следующую подпись на русском языке: «Эномото Такеаки. 20 марта 1875». Скорее всего данная дата совпадает с днем покупки дневника. Поскольку книжица была приобретена японцем задолго до самого путешествия, в ней присутствуют более

ранние пометки разного характера, не имеющие отношения к «*Сибэриа никки*». Мы видим их в самом конце. Помимо этого, в начале и в конце блокнота на полях содержатся дополнительные записи и несложные цифровые вычисления, сделанные во время путешествия, но не вплетенные в общую ткань повествования. Данный документ имеет довольно разнородную структуру, хронологически не сплошную. Заметки, не являющиеся «Сибирским дневником», нельзя классифицировать строго как дневниковые – они скорее напоминают фиксацию размышлений, а также переписанные статьи из газет. Эномото делал выписки из газеты «The Times» от 14 января, 30 мая, 12 июня, 14 июля, 6 августа 1875 года, касающиеся происходящих в мире событий. Фиксировал он их как на английском, так и на голландском языках. Размещение текста в более ранних записях и в дополнительных заметках немного хаотично. В конце второй книжицы на последних восьми страницах также содержатся дополнительные пометки Эномото без датировки, именно они были разобраны в издании Хэйбонся 2010 г.

В дневнике можно выделить три части. Непосредственно описание путешествия Эномото открывается записью в первом блокноте от 26 июля. Последняя запись первой части датируется 9 августа, после чего Эномото переключился на вторую, совсем крошечную, книжицу, где он продолжает повествование до 13 сентября. Возможно, в какой-то момент изначального блокнота не оказалось под рукой, или меньшая по размеру книжица была удобнее. Содержательно это никак не объясняется. Стоит заметить, что японский дипломат вернулся к первой книжке только после того, как заполнил вторую. Таким образом, в первой книжице содержится начало и конец путешествия, а середина во второй. После записи на 45 странице следующая встречается лишь спустя 256 страниц, это связано с тем, что Эномото решил продолжить свой дневник с другого конца книги, перевернув ее при этом на европейский манер. Крайняя дата в дневнике – 2 октября 1878г., при этом последняя полноценная запись за 28 сентября.

За некоторые дни записи отсутствуют, что автором никак не объясняется. Так, в маленькой книжице нет заметок за 20 – 22 августа, под которые было пропущено два разворота. Исходя из чего можно заключить, что изначально Эномото планировал восполнить пробелы. На отсутствующие даты приходится пребывание Эномото Такэаки в Красноярске. Статья «Эномото Такэаки в Красноярске» профессора Дацышена В. Г. несколько приоткрывает нам события, происходившие в те дни. Сначала Эномото прибыл в деревню Овсянка, раскинувшуюся на берегу Енисея, где и остался на ночлег. Японский посланник был поражен местными красотами. Далее он отправился в верховья реки Бирюсы посмотреть на Трех-Святительский золотой прииск купца Полуянова. Эномото довольно детально познакомили со всеми технологиями, устройствами машин. Посланнику даже разрешили снять планы и чертежи приисков, а также техники. Неудивительно, что Эномото был крайне доволен результатами поездки. Технологии промывки золота произвели впечатление на японца своей простотой и эффективностью. После чего Эномото Такэаки вернулся в Красноярск и продолжил свой путь по Сибири дальше¹⁰².

Повествование в «Сибирском дневнике» фактически заканчивается приездом во Владивосток. Однако описания последних дней, проведенных в России, в записках нет. Город-порт представлял огромное значение в разведывательном плане. Отсутствие записей определенно кажется чем-то странным и не имеющим смысла. Единственное возникающее предположение состоит в том, что Эномото Такэаки записал наблюдения отдельно в виде правительственного отчета. Такой точки зрения придерживаются и японские исследователи¹⁰³.

---

¹⁰²Дацышен В.Г. Японцы в Сибири конец XIX – начало XX в. // Известия Восточного института. Владивосток, 2004. С.48–49.

¹⁰³Итидзаки Кэнсаку. Курасуноярусукун-но Эномото Такэаки. Даси:сэн хакасэ-но ромбун-то соно хаккэнсирё:-ни мотодзуйтэ [Эномото Такэаки в Красноярске. На основе статьи профессора Дацышена В.Г.] // Орося кайкайхо:. Нагоя, 2010. №16. Р. 71-72.

«Сибэриа никки» написан в стиле камбун с использованием заимствованных голландских и других европейских слов, русских названий. Иностранные слова Эномото фиксирует на катакана и дополнительно выделяет скобками. Сами записки крайне лаконичны, написаны просто. Шрифт мелкий, в первом блокноте для записи использовалась кисть, во втором карандаш. В последней части дневника Эномото переходит почти на скоропись, в сравнении с началом и серединой текста почерк неразборчив. Периодически размер шрифта скачет, что совпадает с труднопроходимыми отрезками пути. Они по большей части были пройдены в жутко трясущемся тарантасе, в котором непросто было записывать что-либо, на это жаловался и сам Эномото Такэаки.

Японский посланник фиксировал события ежедневно, часто в конце дня, на что он указывает в самом дневнике. Предположительно часть записей делалась в течение дня – Эномото нередко использовал глаголы в настоящем и длительном времени, избегая форм прошедшего времени. Другие – через день или два. То есть временной разрыв между событием и его регистрацией сведен к достижимому минимуму.

Эномото в большинстве случаев указывает рядом с датой погодные условия. Японцу также кажется важным определить собственное положение в пространстве, описать то, что он видит по сторонам. Если пейзаж не меняется, это также фиксируется в записях. Дневник содержат упоминания многих придорожных населенных пунктов, расстояния между большими городами.

У путешествия и повествования очень энергичный темп, видимо связанный с желанием Эномото преодолеть путь как можно быстрее и при этом выполнить важную с его точки зрения задачу. Разные части наполнены фактическим материалом в разной степени. Это обусловлено тем, что на промежутках пути с мелкими селами и деревнями остановок почти не делали, либо делегация не задерживалась: меняли лошадей, обедали, иногда ночевали, чинили тарантас и дальше отправлялись в путь. В крупных городах Эномото мог провести несколько дней, встречался с уполномоченными лицами, ему

показывали достопримечательности, организовывали экскурсии по различным заводам и т.д. В таких случаях записи довольно подробны. Увиденное часто сравнивалось с опытом посещения Европы.

В целях «иллюстрации» сбора информации по пути японский посланник посещал фотоателье в тех городах, где они имелись, чтобы приобрести несколько снимков местного городского пейзажа, окрестностей или представителей малых народностей. В то время за пределами Петербурга и Москвы, судя по всему, не было принято покупать открытки и изображения дальних городов, соответственно они не выпускались в большом количестве. Фотографии были не только дорогими, но и зачастую отсутствовали вовсе. К удаче посланника, снимки периодически имелись у принимавших его местных чиновников, которые любезно предоставляли их ему. Один раз фотограф тоже пошел навстречу дипломату: у него не оказалось ни одной фотографии, поэтому он пообещал сделать новые снимки и отправить в скорейшем времени в посольство Японии во Владивостоке. Правда, обошлось это японцу еще дороже. Эномото также снимал сам. Кроме того, между посланником и купцами с чиновниками несколько раз происходил обмен фотографиями, часто по инициативе русских: Эномото дарил свой портрет, а они свои. Вероятно, большая часть привезенных фотографий была утеряна в результате землетрясения Канто – в наше время сохранились около 20 карточек из неизвестного количества.

Оригинал «Сибирского дневника» был подарен семьей Эномото Национальной парламентской библиотеке Японии, где и хранится в настоящее время в Отделе конституционных правительственных материалов.

В рассуждении о классификации источника, в целом «Сибирский дневник» вписывается в тенденцию японских путевых дневников эпохи Мэйдзи, то есть сочетаются традиционные элементы с вестернизированными. Во-первых, текст предназначен для ограниченного круга официальных или полуофициальных лиц; изначально публикация не предполагалась. Вероятным кажется и такой

вариант, что, вернувшись в Японию, Эномото увидел, насколько тема русско-японской дружбы непопулярна, и передумал публиковать. Эномото Такэаки писал путевые заметки с четкой адресностью, дневник можно определить как межкоммуникативный. Данный документ входит в ряд заметок первых японских дипломатов, правительственных чиновников за границей и выполняет очевидную шпионскую функцию.

Во-вторых, наличие этнографического материала – характерная черта западных путевых заметок. В японских она появляется только во второй половине XIX в. и также является примером интеграции европейской традиции в японскую. Назначение Эномото и цель его поездки обязывали дипломата обращать внимание на жизнь и быт не только основного этноса, но и других, малых народностей, населявших Российскую Империю. Наибольший интерес посланника вызвали татары и буряты. Первые в больших количествах встречались ему на пути начиная с Казани, вторые – с Иркутска. Этнологическая составляющая характерна для *«Сибэриа никки»*.

В-третьих, в дневнике присутствуют китаизмы, хоть японский дипломат ими не увлекается. Путевые заметки написаны в обычном стиле записей образованного японца в ранний период Мэйдзи, когда классические китайские произведения были основой образования интеллектуалов, когда каждый просвещенный человек знал «четыре книги и пять классических произведений».

Так, проезжая Екатеринбургскую губернию, он ссылается на Вэнь-вана и «Ши цзин», чтобы описать свое состояние волнения и бессонницы. Пребывая в Кяхте, Эномото решил посетить Маймачен (совр. Алтан-Булак). Наблюдая на приеме у местного городского главы, насколько пренебрежительно тот вел себя с русским комиссаром, японский посланник сравнил первого с Бянь Цяо, в китайской мифологии одно из божеств-покровителей врачей. Отсылка довольно странная, по нашему мнению. Возможно, Эномото просто перепутал персонаж. Редакторы издания «Сибирского дневника» также считают, что это не имеет смысла. В Маймачене Эномото посетил гробницу полководца Гуань Юй, тем

самым отдав дань уважения истории Древнего Китая и классическому роману китайской литературной традиции. Эномото, рассуждая о том, что если бы Хэйлунцзян оставался китайским, то природные ресурсы бы просто простаивали, сначала сослался на исторический трактат «Цзо-чжуань», чтобы показать, что это не принесло бы никакой пользы. А после процитировал изречение Конфуция «гнилое дерево не годно для резьбы», таким образом описывая нежелание Китая заниматься этими территориями.

Несмотря на стремление к нехудожественности повествования, заметки не полностью свободны от лирической составляющей – в тексте Эномото приводит сочиненные им стихи на китайском. Особое меланхолическое настроение у дипломата вызывали исключительные природные явления, в частности полная луна на безоблачном небе и река Хэйлунцзян. Первую традиционно принято воспринимать предметом поэтического вдохновения в Японии. Редакторы издания на современном японском языке сочли нужным выделить фрагмент текста как четвертую главу, дав ему заголовок «Под лунным светом» (яп. 月明りのもと *цукиакари-но мото*). Она сгруппирована по тематическому принципу: на протяжении всей главы Эномото обращает внимание на красоту пейзажа, любуется лунным светом. Первые стихи вдохновлены образом луны, однако посвящены впечатлениям от пути и насущным проблемам. Например, в одном из стихов японский посланник выражает надежду на появление дождя. Всего в дневнике шесть стихотворений канси и одна танка, четыре из них как раз в четвертой главе. Шесть стихов вдохновлены луной, в двух присутствует тема Хэйлунцзяна.

Интересное наблюдение: чем Эномото ближе к Хэйлунцзяну, тем больше китаизмов встречается в тексте. Сам японец писал следующее «Теперь, когда наш корабль вошел в Хэйлунцзян, я как будто стал на шаг ближе к родным местам. К тому же я так давно не слышал названия “Хэйлунцзян”, но сегодня плыву по нему. Мое заветное желание получилось исполнить, потому мою

радость можно понять»¹⁰⁴. Одно из стихотворений Эномото продолжает эту тему:

За стены Нерчинска улетают снежинки.
Горы и реки, насколько хватает глаз, осенний облик свой утратили.
Завтра нас ждет путешествие вдоль Амура,
Вместе отправимся на Восток, вернемся в родные края¹⁰⁵.

[Перевод наш]

Эномото Такамицу оценивает литературный характер «Сибирского дневника» как красиво написанный с присутствием ритма, легкий для чтения. Стоит учитывать, что дневник писался в дорожных условиях с присущими им трудностями. Помимо стихов, присутствуют описания пейзажей России, людей, есть и юмористические зарисовки¹⁰⁶.

3.2. Формирование образа России в Японии

Автор не ставит перед собой задачу детально рассмотреть вопрос истории формирования образа России, поэтому он представлен лишь в кратком виде.

Первые сведения о России попадали в Японию опосредованно и носили обрывочный характер. Страна представлялась лишь одним из множества далеких государств в Европе. По мере достижения слухов о продвижении русских к Камчатке и Курильским островам, японцы стали привлекать голландские сочинения для сбора информации, в результате этих штудий постепенно начали осознавать, что означает иметь такого соседа как Российская империя. Вдобавок, после возвращения японских моряков из России и начала непосредственных контактов с русскими получаемые данные приобретали большую достоверность.

---

¹⁰⁴Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 201.

¹⁰⁵Эномото Такэаки. Сибэриа никки киноэ [Сибирский дневник. Часть 1]. 1878. Р. 375.

¹⁰⁶Эномото Такамицу. Эномото Такэаки-но рю:сэйто сэйсаку-то рю:сэйто кидзи / Сибэриа о:дан рёко:-то Сибэриа никки [Изготовление метеоритных мечей Рю:сэй Эномото Такэаки и статья о «Рю:сэйто» / Путешествие через Сибирь и «Сибирский дневник»]. Т. 112, № 3. Токио: Тигакузасси, 2003. Р. 456.

Образ России начал формироваться в эпоху Эдо. Ученый-конфуцианец Нисикава Дзёкэн (яп. 西川如見; 1648 – 1724), основываясь на китайских и голландских сочинениях, в дополненном варианте «Исследование торговых сношений Китая и варваров» (яп. 華夷通商考 *Каицу:сё:ко*) 1708 г. описывал Россию как территориально большое государство с холодным климатом, находящееся восточнее Голландии и имеющее схожие с ней обычаи. Люди в «Московии» сходятся в храбрости и силе, торгуют янтарем, кораллами, злаками, кожей и серебряными пластинами для нагревания благовоний. Нисикава указал самодержавную форму правления, упомянул и Царь-пушку с Царь-колоколом.

Писал о северном соседе и государственный деятель того времени Араи Хакусэки (яп. 新井白石; 1657 – 1725). Используя полученные от итальянского миссионера Джованни Батиста Сидотти (1668 – 1714) данные, Араи написал несколько произведений. Дополнив знания итальянца сведениями из китайских сочинений, в «Отобранных и рассмотренных чужеземных речах» (яп. 采覽異言 *Сайран игэн*) в том же 1708 г. он местами касается и России. Она предстает страной с тяжелыми погодными условиями, суровыми морозами, где зимой обледеневают реки, а люди носят меховые одежды¹⁰⁷.

На существовавших тогда в Японии картах мира Россия или «Московия» изображалась частью Европы. Появление в японских водах беглого авантюриста в 1771 г. Бенёвского М. А. и его письмо в Голландскую факторию озадачили японские власти. В последнем сообщалось о строительстве Россией укреплений на Курилах и о планах захвата островов севернее Японии. Считавшее Московию страной далекой, бакуфу не могло сопоставить информацию с устоявшимися к тому времени представлениями.

---

¹⁰⁷История российско-японских отношений: XVIII - начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Гришачева С.В. М., 2015. С.88-89.

Экспедиция в 1778 – 1779 гг. Шабалина Д. Я. в княжество Мацумаэ открыло японцам истинное географическое положение России. Весть о приезде русских быстро дошла и до правительства в Эдо. Уже в 1783 г. врач Кудо Хэйсукэ (яп. 工藤 平助 1734 – 1801). изложил все полученные материалы на встрече с жителями «Московии» и доступные тогда факты о России в двухтомном сочинении под названием «Изучение слухов о красных эдзо» (яп. 赤 暇夷風説考 *Акаэдзо фу:сэцуко:*). Оно стало первым произведением, полностью посвященным России, в том числе описывающим географическое положение и ход колонизации Сибири с Дальним Востоком. Кудо сопоставил информацию от русских и голландцев и пришел к выводу, что первые хотят начать торговлю с Японией, а вторые пытаются это предотвратить. И потому голландцы пускают слухи о желании России вторгнуться в Японию и т.д. Сочинения Кудо Хэйсукэ были широко известны среди интеллектуальной элиты¹⁰⁸.

Посещение Японии Бенёвским все же не осталось бесследным. Обеспокоенный приближением России к берегам Японии, ученый-мыслитель Хаяси Сихэй (яп. 林子平 ; 1738–1793) передал свои мысли по поводу «российской» темы в двух трактатах «Общий обзор трех стран» (яп. 三国通覧図 説 *Сангоку цу:ран дзусэцу*) 1785 г. и «Военные беседы о морском государстве» (яп. 海国兵談 *Кайкоку хэйдан*) 1786 г. Во многом Хаяси сгустил краски относительно угрозы со стороны «Московии». Он писал о российской экспансии в Сибири, Камчатке и устремлениях России к Курильским островам, даже предположил наличие желания покорить Эдзо. Позиция автора заключалась в мысли о необходимости переустройства японской армии для защиты страны от внешней угрозы, в лице которой Хаяси в том числе видел и Россию. Последняя

---

¹⁰⁸Щепкин В.В. «Изучение сведений о Камчатке» (1783 г.) — первое в Японии сочинение о России // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. LVII. История и культура традиционной Японии 8.* СПб., 2015. С. 297-299.

позиционируется им как единственная европейская страна, уже нацелившаяся на японские земли. Идеи Хаяси Сихэй не нашли официальной поддержки у бакуфу и были восприняты крайне негативно: в 1792 г. он был арестован. Однако творчество Хаяси получило широкое распространение и оказало влияние как на настроения мыслящих кругов японского общества, так и на образ восприятия «Московии»¹⁰⁹.

В 1792 г. миссия Лаксмана А. возвратила моряка Дайкокуя Кодаю (яп. 大黒屋光太夫; 1751 – 1828) на родину спустя девять лет, проведенных в России, что сделало его первым вернувшимся обратно японцем. Дайкокуя предстал перед сёгуном Токугава Иэнари. Рассказы Дайкокуя Кодаю о своих странствиях в «Московии», ее политическом строе, географии, культуре стали основой для «Известиях о скитаниях в северных водах» (яп. 北槎聞略 *Хокуса бунряку*), составленных придворным врачом Кацурагава Хосю (яп. 桂川甫周; 1751 – 1809) два года спустя. Книга предназначалась лишь для служебного пользования¹¹⁰.

Конец XVIII в. стал периодом как появления основных стереотипов о России, так и их закрепления. С одной стороны, за Россией установилась репутация крупной западноевропейской страны, осведомленной о понятиях долга и чести. От Кудо Хэйсукэ японцы узнали о «мудром правителе-божестве» Петре I, вершившем великие дела, за что он удостоился нового, более высокого титула – об образцовом императоре России. Кудо вместе с Хаяси Сихэй поведали и о Великой Екатерине II, мудрой и справедливой правительнице, задумавшей объединить под единой властью все пять континентов¹¹¹.

---

¹⁰⁹Щепкин В.В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. / Ответственный редактор Молодяков В.Э. М., 2017. С.206-208, 213-214.

¹¹⁰Гришачев С.В. Контакты России со странами Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Иокибэ М. М., 2015. 1001. С. 61.

¹¹¹Щепкин В.В. Образ Петра Великого в Японии // Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Самойлова Н.А. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 224, 226.

С другой стороны, вместе с активизацией интереса бакуфу к северным землям собственного государства и началом ассимиляции Эдзо и айнов росла подозрительность по отношению к России. Рейды 1806 – 1807 гг. на Сахалине и Курильских островах только усилили опасения вторжения со стороны России, что придавало той образ потенциального врага. Сначала экспедиция корабля «Юнона» под командованием Хвостова Н. А. вторглась на юг Сахалина и разрушила рыбацкие постройки, взяла нескольких японских жителей в плен. Спустя год корабли «Юноне» и «Авось» во главе с Хвостовым и Давыдовым Г.И. напали на японские поселения на островах Уруп и Итуруп. Свои действия они объяснили отказом японских властей посольству Резанова Н. П.¹¹². За «Экспедициями» Хвостова и Давыдова, ставшими веским поводом для неприязни к русским, как ответная реакция с японской стороны, последовал не менее резонансный инцидент с пленением капитана Головнина В. М. в 1811 г.

Процесс расширения сведений о России и как следствие представлений о ней крайне важен в контексте настоящего исследования. Эномото Такэаки, будучи человеком высокообразованным и педантичным, ответственно подходил к вопросам подготовки и сбора знаний. Ожидаемо, что и перед отправлением в Петербург со столь серьезной задачей, он постарался вникнуть в вопрос по мере возможностей и исходя из доступной информации. Будучи на службе у Курода на Хоккайдо, Эномото был одним из участников территориальной дискуссии и входил в группу сторонников передачи Сахалина России, считавших ее неизбежной, а развитие Хоккайдо приоритетным. Эномото Такэаки должен был быть знаком со всеми вышеупомянутыми фактами и сочинениями, актуальными в интеллектуальной среде того времени. Данное предположение косвенно подтверждается с помощью «Сибирского дневника». Так, приехав в Москву, Эномото первым делом прошелся по окрестностям Кремля и зашел посмотреть

---

¹¹² Икута Митико. Наследие XVIII–XIX вв.: от концепции иерархического миропорядка *кай тицудзэ* – к международному порядку западного типа // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Иокибэ М. М., 2015. С. 24-25.

на знаменитые Царь-колокол и Царь-пушку. Сплавляясь по Амуру, оставив позади Албазин, Эномото написал канси:

Яшмовый заяц на ряби речной след золотой оставляет.

Звезды, светила в степенном движении: третья ночная стража.

Черным драконом извился Амур в свете осенней луны.

Что же ты чувствовал в те времена, мудрый Хаяси Сихэй?¹¹³

[В переводе Щепкина В.В.]¹¹⁴

История восприятия России дает понять, что Эномото имел в виду под чрезмерной боязнью российской угрозы в японском обществе, показывая, что страхи были, возможно, преувеличены, но не беспочвенны. Продемонстрировав несостоятельность опасений, посланник мог предложить новые возможности для сотрудничества двух стран. В «Сибирском дневнике» Эномото Такэаки рассуждает о способах налаживания торговых связей. Понаблюдав за ситуацией на русско-китайском рынке, он пришел к выводу, что Япония вполне может обойти Китай в поставках самого продаваемого товара – чая, как по цене, так и по качеству. К сожалению, как нам известно из биографии Эномото, после его возвращения на родину довольно в скором времени ему вновь поручили дипломатическую миссию, но уже в Пекине, и данная инициатива не получила развития. Есть также вероятность, что причина заключалась в непопулярности идеи сотрудничества с Россией.

3.3. Образ России в «Сибирском дневнике»

У Эномото Такэаки была возможность подробного изучения многих аспектов жизни в России и Сибири во многом благодаря гостеприимству местных властей, которые были осведомлены как о высоком положении гостя, так и о его приезде, включая приблизительные даты. Полевые исследования Эномото можно разделить на несколько категорий. Прежде всего можно

---

¹¹³Эномото Такэаки. Сибэриа никки киноэ [Сибирский дневник. Часть 1]. 1878. Р. 359-360.

¹¹⁴Щепкин В.В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. / Ответственный редактор Молодяков В.Э. М., 2017. С. 248.

выделить наблюдения за российской армией. Японское правительство ожидаемо было крайне заинтересованно в сведениях о дислокации и количестве войск в России.

Первым делом по приезде в новый город, где располагались воинские части, Эномото прежде всего направлялся к начальнику гарнизона для «визита вежливости». О многих деталях дипломат узнавал именно через последнего. Эномото задавал вопросы о составе армии, типах солдат и количестве людей, которые могли быть мобилизованы. Часто начальники гарнизона опережали вопросы японца. Посланнику было дозволено свободно посещать российские военные части. Он изучал личный состав, мобилизационную силу, «дух» армии. Путешествуя вблизи русско-китайской границы, японец мог и там разведать обстановку, посетив пару китайских городов и следя за их берегом Амура.

Вторая категория – это физическая и социально-экономическая география. Япония была слабо осведомлена о многих аспектах жизни в России. Эномото прежде всего писал о топографии, особенностях почвы, сельскохозяйственных культурах, флоре и фауне, и, конечно же, природных ресурсах. В дневнике присутствует набросок пласта земли с комментариями Эномото.

На страницах путевых заметок он описывал и промышленные предприятия: металлургические, золотодобывающие, оружейные, судоремонтные и т.д. В записях отчетливо выделяется уральская металлургия и сибирские золотые прииски, куда посланника охотно водили местные власти. Увиденные технологии Эномото описывал достаточно подробно, используя для описания не профессиональную, а известную ему терминологию. Японец делал зарисовки некоторых изобретений, ему также позволяли снять копии кое-каких чертежей и планов. Фиксировал он и законы, регулирующие ту же добычу золота.

Эномото также писал про сельское хозяйство, возделываемые культуры, местные промыслы. Делал заметки о количестве людей, населявших тот или иной город, об избирательных законах местных городских глав, количестве домов и их качестве в деревнях и малых населенных пунктах.

Третья – русско-китайские отношения, обстановка на границе двух государств и состояние торговли. Исследуя торговую ситуацию в Кяхте, Эномото определил ходовые товары: наибольшую часть китайского товарооборота, разумеется, составлял чай. Эномото побывал также в Маймачене, Айгуни, где его принимала уже китайская сторона, но все происходило в сопровождении русских исправников и прочих уполномоченных лиц. Эномото такэаки сравнивал уровень гостеприимства, следил за взаимодействиями представителей двух соседних государств, не упуская из виду общую атмосферу приемов. Кроме того, сплавляясь по Амуру, посланник наблюдал за ведением хозяйств с обеих сторон, как одна и другая страна распоряжались природными ресурсами.

В четвертую категорию можно выделить этнические меньшинства России. В начале пути внимание Эномото привлекли многочисленные татары и их обычаи. Изредка встречались цыгане, но на них не делалось никого акцента. По мере приближения к Иркутской губернии, в поле зрения японского посланника стали появляться буряты, заинтересовавшие его сильнее ввиду азиатской внешности и принадлежности к буддизму. На русско-китайской границе Эномото наблюдал и за монголами, пытаясь понять их отличие от бурятов. Он даже составил небольшой словарь бурятского языка. На пути ему также встречались нанайские деревни.

Пятая категория – цены. Эномото опрашивал местных о стоимости основных продуктов питания. В результате проведенной работы им был составлен сравнительный список цен. Часто, узнавая стоимость того или иного товара, посланник сопоставлял их с петербургскими: в Сибири оказалось довольно дорого, а на Урале дешевле. Эномото подробно расписывает затраты на путешествие. Согласно Эномото Такамицу, общая сумма расходов на путешествие составила 3286 рублей 61 копейку, что соответствовало 1968,3 иенам (т.е. курс 1 иена = 1 рубль 67 копеек). Стоимость 1 км, преодоленного на пароходе или поезде составляла пять копеек, тогда как на тарантасе – двенадцать.

Такая сумма получалась при учете всех непредвиденных расходов, таких как ремонт (тарантас периодически ломался), питание, проживание и т.д. На станциях было два типа лошадей: государственные и частные. От Перми до Тюмени проезд на частной лошади составлял четыре копейки за версту, а на государственной – одну копейку. В Сибирь лошади тоже были дороже, например, государственная лошадь из Красноярска обходилась в три копейки за версту.

Следующие по величине после транспортных затраты были связаны с проживанием. Японская делегация размещалась в гостиницах, в городах, где таковых не имелось, зажиточные купцы размещали их у себя в гостях бесплатно. Чем дальше от столичных городов были японцы, тем чаще они останавливались в качестве гостей, что правнук Эномото связывает либо с отсутствием гостиницы, либо с более щедрым гостеприимством.

На удивление, значимой статьёй расходов оказались чаевые обслуживающему персоналу – они составили 420 рублей. Это больше, чем затраты на питание, которое обошлось в 300 рублей и гостиницы – в 221,71 рублей¹¹⁵.

В настоящем исследовании сначала будет описана общая картина, возникающая на страницах заметках. Далее автор исследования выделяет несколько основных аспектов представленного в дневнике образа России: настрой властей и общества в целом, русско-китайские отношения, национальные меньшинства. Основная цель работы – отражение образа России в тексте. Автор не ставит перед собой задачу сопоставительного анализа дневника Эномото Такэаки.

Россия в «Сибирском дневнике» прежде всего предстает как страна с огромной территорией, обширными, бесконечными просторами. Одна Пермская губерния, по словам японского посланника, размером со всю Францию. Большие города процветают, много красивых каменных домов. Великолепны не только

---

¹¹⁵Эномото Такамицу. Ibid. P. 456–457.

столичные города: сибирским Петербургом Эномото называет Иркутск¹¹⁶. Но вся остальная Россия усеяна невзрачными бедными крестьянскими домами, похожими на лачуги коренного населения Хоккайдо. В селах и деревнях приятны взору лишь храмы. Крестьянские одежды скромны, почти все женщины и дети ходят босыми.

На огромных просторах пейзаж редко меняется, часто напоминая автору дневника окрестности Саппоро. Деревни расположены на большой удаленности друг от друга. Всюду хороший лес, много берез. Красные кривые сосны сходны с видами Японии. Почва на Урале и в Сибири плодородна: Эномото описывает ее с помощью слова «чернозем», скорее всего желая описать поразившее его обилие урожая. Во многих местах поля умело вспаханы, выращиваются разные культуры. Много пшеницы, ржи, овса, гречихи и льна. Там, где нет полей, раскинулись пастбища для скота. Территории используются. Медведи и волки вредят выпасу животных. Одного волка Эномото даже увидел, тот был вдвое больше собаки, коричневого цвета¹¹⁷. В Сибири водится много белых лисиц, а на Дальнем Востоке обитают тигры.

В условиях сурового климата лето ощущается по-осеннему. Августовская погода в Сибири вызывает печальное чувство увядания не только природы, но и людей. Зимой температура опускается очень низко, но ощущается по-разному. Тридцать градусов в Иркутске из-за отсутствия ветра – это как тринадцать градусов в Петербурге. При этом, в Красноярском крае есть удивительное место, где растут фрукты – это город Минусинск, который дипломат называет «Италией Западной Сибири»¹¹⁸.

Страна богата драгоценными металлами, особенно Сибирь. На уральских заводах используется железо, добытое исключительно в России. Пермская губерния обладает огромными залежами каменного угля в Луньевских копиях.

---

¹¹⁶Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 127.

¹¹⁷Ibid Р. 148.

¹¹⁸Ibid. Р. 112.

«По расчетам, даже если каждый год добывать по четыре миллиарда пудов, запасы не иссякнут в течение шестидесяти лет»¹¹⁹. Золото добывается в основном в Сибири, потому немногочисленное население почти все занято в золотодобывающей отрасли. В Восточной и Западной Сибири золотые залежи в виде золотой пыли, золотая руда есть только на Урале. В Сибири три места, где плавают россыпное золото, находятся в Иркутске в Восточной Сибири, в Барнауле в Западной Сибири и в Екатеринбурге. В Иркутске самый крупный плавильный завод в Восточной Сибири – 2000 пудов в год. Восточная и Западная Сибирь вместе – 2500 пудов в год. Стоимость добычи золота очень высока. В Якутском крае, где больше всего золотого песка, заработная плата рабочих доходит до 1000 рублей в год. Способ промывки золота ничуть не отличается от техники японских мастеров, исполнен чрезвычайно искусно. Это напомнило Эномото его деятельность на Хоккайдо, где не так давно в Кунуи и Токати он также наблюдал за подобным процессом. Золотоискателям в России нужно получить разрешение на их работу. Все найденное и добытое золото должно быть продано правительству, даже если это одно зернышко. В Сибири налог на промывку золота не взимается.

Нет единой транспортной инфраструктуры, железнодорожные пути, которые объединили бы большие территориальные участки, еще не проложены. Основные линии трассы Пермь-Екатеринбург на тот момент находились в процессе строительства. Путешественникам в большинстве случаев приходится пользоваться ненадежным и неудобным тарантасом. Качество дорог во многом зависит от погодных условий, но в Сибири оно чуть лучше. Помимо этого, можно путешествовать на пароходе.

Население Российской Империи не моноэтнично. Чем дальше на Восток, тем больше национальностей разной степени цивилизованности. Проживают немногочисленные иностранцы, в основном немецкие купцы, но встречаются и

---

¹¹⁹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 44.

англичане, и финны и др. В Сибири люди более душевные и гостеприимные. Но туда же ссылают преступников на каторжный труд. По стране ездят английские, американские суда. Развиты средства связи, системы коммуникаций в целом.

Эномото Такэаки симпатизирует жителям Российской Империи. Прежде всего автором будет рассмотрено отношение представителей государства к японскому посланнику, а также восприятие дипломатом людей, не имеющих чина, низших сословий и ссыльных. В заметках отчетливо прослеживаются пророссийские настроения. Прочитав «Сибирский дневник», японский читатель мог бы сделать для себя вывод, что Россия положительно настроена к Японии и не собирается нападать.

Власти Российской Империи пошли навстречу желанию Эномото пересечь Сибирь. Они не только одобрили выбранный маршрут, но и снабдили посланника необходимыми документами, а на местах дали указания всячески способствовать последнему¹²⁰. Перед отъездом Василевский А. П. вручил японцу паспорт и распоряжение, где было указано, что министр внутренних дел известил губернаторов, в том числе московского, и начальников гарнизонов Сибири о поездке японского посланника Эномото Такэаки в Сибирь и настоятельно просил всячески содействовать ему в пути. По приказу министра путей сообщения Посьета К.Н., в начале пути из Петербурга в Москву и из Москвы в Нижний Новгород для Эномото был подготовлен специальный вагон¹²¹. На протяжении всей поездки власти заботились о безопасности дипломатической делегации: их сопровождали, встречали на станциях местные чиновники достаточно высокого уровня, начальники отделений полиции и др. В крупных городах это могли быть целые группы чиновников, во главе с градоначальником или полицмейстером. Вход в гостиницу или поместье, в

---

¹²⁰Дацышен В.Г. Эномото Такэаки в Красноярске // Орося кайкайхо: [おろしゃ会会報]. Нагоя, 2008. №15. С.92–93.

¹²¹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 20.

котором размещалась делегация, караулили часовые, а сам дом был заполнен чиновниками и полицией.

О приезде делегации сообщалось заранее, чтобы на месте была возможность подготовиться к приезду. На каждой станции на пути следования находились лошади, заранее подготовленные для смены уставших, что позволяло не задерживаться на незначительных перевалочных пунктах, не снижать темп путешествия. Эномото никогда не заставляли менять курс. Российские власти пошли навстречу незапланированному желанию делегации посетить Кяхту, а также китайский Маймачен и Айгунь. С японским посланником всегда обращались как с гостем. Эномото было дозволено беспрепятственно ходить по заводам и военным объектам. Во время осмотра окрестностей и экскурсий к посланнику были прикреплены сопровождающие. Эномото посетил Пермский пушечный завод. Несмотря на выходной день, управляющий и персонал собрались, чтобы продемонстрировать посетителю все, что находится внутри. Екатеринбургский состоятельный купец Ошурков П. М., совладелец группы золотых и платиновых приисков и ряда промышленных предприятий, лично показал один из золотых приисков, где он со своими тремя братьями занимался разведочным бурением. Эномото довелось наблюдать за полным процессом, его удивило, насколько много добывается золота, это даже показалось ему нереалистичным. Поэтому он предположил, что для эффективности результата были проведены определенные манипуляции¹²². Недалеко от Красноярска Эномото встретил полицмейстер фон Клингенберг, с которым они договорились об экскурсии на золотую мойку вблизи города. Японскому посланнику позволили снять чертежи и планы. Кроме того, он посетил литейный цех в Иркутске. На этом заводе золотой песок, добытый в Восточной Сибири, отливали в слитки и дальше отправляли в Петербург. Эномото подробно описывает технологию. В дневнике даже сделана зарисовка приспособления. Эномото также посетил судоремонтный завод Амурского пароходства и т.д.

---

¹²²Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 58.

Разумеется, бóльшая часть информации, получаемой Эномото Такэаки, поступала напрямую от чиновников, при посещении окрестностей его непременно эскортировали. Безусловно, это проявление контроля со стороны российских властей, но по большей части – дань вежливости, учтивое отношение. Российская Империя как развитая европейская держава имела на тот момент прочное положение и как следствие, не считая Японию страной, представляющей реальную угрозу, спокойно предоставляла правдоподобные данные о собственных войсках, технологиях, ресурсах, населении и т.д. Это довольно сильно контрастирует с позицией Цинского Китая, что будет описано далее. Посланник не во всех случаях доверяет предоставленным данным, иногда он их сверяет со сведениями из локальных источников. Например, численность населения уездного города Екатеринбурга, по словам городского головы, составляла 35000 человек, тогда как, согласно местному адрес-календарю, она была 25133, что показалось Эномото убедительнее. Последнее соответствует данным на 1870 г. Следующие сведения за 1890 г. – 36825¹²³. На тот момент численность населения Екатеринбурга быстро росла, скорее всего городской головы просто округлил число в бóльшую сторону, несколько приукрасив реальность. Иногда представители власти могли противоречить друг другу. Так, в Красноярске Эномото сказали, что в Восточной Сибири нельзя купить землю, что позднее опровергли в Иркутске¹²⁴. Разговоры Эномото с купцами и простыми людьми никак не регулировались, многое посланник узнавал и от них.

Оказанное дипломату гостеприимство в основном было на высоте, особенно Эномото понравилось, как его принимали в Сибири. Посланник задавался вопросом, почему на приемах постоянно присутствовало шампанское. На берегу Енисея владелец гостиницы, полицмейстер и другие чиновники, провожая японскую делегацию, принесли бутылку шампанского, разлили его в два бокала, один из них предложили Эномото, второй был у хозяина постоялого

---

¹²³Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. № 9. Екатеринбург, 1998. С.96.

¹²⁴Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 135.

двора. Стоя в поле, чокнувшись бокалами, все пожелали Эномото благополучного будущего. Тогда Эномото сказали, что так положено по российскому этикету¹²⁵. В другой раз Эномото Такэаки узнал от одного полицмейстера, что было дано распоряжение встречать его по «на европейский манер»: «зная заранее, что Ваше превосходительство будет в гостях, я должен был принять Вас с солью и хлебом, по русскому обычаю, но меня попросили обращаться с Вами во время вашего пути с европейской вежливостью». В дневнике Эномото написал, что не слышал, что в Европе принято подавать шампанское во время утреннего визита, и счел это скорее сибирским обычаем¹²⁶. В действительности, описанное напоминает короткие дневные приемы российского дипломатического протокола, если точнее, «бокал шампанского» и «завтрак». Оба проводятся в первой половине дня, на них подается шампанское¹²⁷.

Среди встреченных во время путешествия людей Эномото были те, кто имел то или иное отношение к Японии, или же просто был позитивно настроенных. Так, в Томске японец познакомился с неким господином Софроненко, другом Струве К. В., посла России в Японии. В том же городе встретил хорошо говорящую по-английски младшую сестру российского консула в Нагасаки, Оларовского А. Э. Позже через мужа она передала Эномото письмо и попросила доставить его консулу по возвращении на родину¹²⁸. В целом, Эномото не раз предлагали отпраздновать дружбу России и Японии.

Разумеется, приезд японских гостей становился для каждого города и населенного пункта событием. Собирались толпы зевак. На каждой станции и в придорожной деревне выстраивались крестьяне и смотрели с недоумением на проезжающих мимо японцев. Мужики и мальчишки снимали шапки и кланялись

---

¹²⁵Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 117.

¹²⁶Ibid. Р. 155.

¹²⁷Лядов П.Ф. Дипломатический протокол и протокольная служба // Право и управление. XXI век. №2 (23). М., 2012. С. 134.

¹²⁸Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 102.

экипажу. Редко дающий оценочное суждение, Эномото писал о том, что хоть сельские жители в любой стране лишь немногим отличаются, но именно русские крестьяне в особенности производят впечатление простоты и невинности. Посланник по-конфуциански восхищается их учтивыми манерами и нравом, но отмечает, что их поведение в Японии, в последнее время подражающей всему западному, будет воспринято как раболепное¹²⁹.

Различные социальные явления тоже привлекали интерес японского посланника. На протяжении всего пути, начиная с Урала, Эномото доводилось наблюдать за этапированием российских осужденных традиционным сухопутным путем через Западную и Восточную Сибирь. Эномото искренне восхищался этими стойкими людьми, одновременно невольно чувствуя к ним жалость. Ссылка была способом принудительной колонизации Сибири, где крайне не хватало людей. Ссылались не только преступники, на пашню отправляли и обычных, ничего предосудительного не совершивших крестьян. Поскольку освоение Сибирского края имело особое значение для российского правительства, начиная с XVII в. категория, подлежащая к отправке, постепенно увеличивалась. Люди ссылались на «вечное житие» вместе со всей семьей¹³⁰.

Ссылных перевозили в Сибирь на тарансах. В отдельной телеге были сопровождающие женщины, в том числе с грудными детьми, они следовали за своими мужьями. Некоторые из заключенных при виде японской делегации снимали головные уборы, кланялись. Половина острижена. Преступники не были скованы цепями, но встречались дважды такие повозки, где у всех заключенных, кроме женщин, ноги были скованы. Среди ссылных Эномото также подметил татар, были и военнопленные турки «башибузуки». Каждую повозку охраняли солдаты. Один раз дипломат видел идущих ссылных в кандалах, за ними следовали таранасы с жены, детьми и больными

---

¹²⁹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 67-68.

¹³⁰Иванов А.А. Политика штрафной колонизации Западного Забайкалья в XVII–XX вв. и ее итоги // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. Иванов А.А., Кузнецов С.И., Шостакович Б.С. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 186-187.

заключенными. В таком случае осужденные ходили по два дня и один день отдыхали¹³¹. На въезде в некоторые деревни и города находились специальные ночлежки для ссыльных, которые караулили военные. Некоторые небольшие гарнизоны были предназначены для конвоирования ссыльных, как, например, на окраине села Краснореченское¹³².

О прибывших на место назначения, ссыльных ни правительство, ни местные никак не заботились. Поэтому на первых порах они спали под открытым небом. Сосланным в Сибирь было дозволено жить только на окраинах деревень. Обычно большая часть из них есть становилась слугами в зажиточных семьях. Так, у одного из начальников гарнизона все слуги в доме были ссыльные¹³³.

Это люди были полностью лишены своих привилегий. Им предоставляли землю, их могли нанять для промывки золота. Но ссыльным нельзя было получить разрешение на самостоятельный поиск золота. Если деревенская женщина хотела выйти замуж за ссыльного, ей надо было заплатить высокий налог.

Действительно, прибывшие на водворение ссыльные по закону должны были получить надел. Выдавались худшие участки на окраине. При этом наделы брали немногие ввиду отсутствия средств на обустройство хозяйства. До отведения земли они ютились в домах старожилов. Чаще всего местные люди входили в положение и не отказывали им во временном пристанище¹³⁴. Поэтому утверждение Эномото о том, что ссыльным не помогали вовсе, нельзя назвать полностью верным.

По мере продвижения России на восток Сибири начинали нарастать противоречия между Россией и Китаем. Перед соседними государствами встала

---

¹³¹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 145.

¹³²Ibid. Р. 105.

¹³³Ibid. Р. 94.

¹³⁴Сальникова Е.С. Занятия ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. Иванов А.А., Кузнецов С.И., Шостакович Б.С. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 331-332.

задача разграничения границ. Главным камнем преткновения стало Приамурье, что вылилось в ряд пограничных конфликтов 1650-х – 1680-х гг. Для урегулирования проблем сначала в Китай было отправлено посольство под руководством Байкова Ф. И. в 1654 г., а в 1675 г Спафария Н. Г., оба потерпели неудачу. В 1685 – 1686 гг. маньчжуры атаковали Албазинский острог. Обе стороны решили пойти на переговоры, в результате в 1689 г. был заключен Нерчинский договор. Была установлена граница по водораздельному хребту, Амурский бассейн формально находился под управлением цинского Китая. Следующим стал Кяхтинский договор 1727 г., по которому в приграничных Кяхте и Цурухайтуе была открыта беспошлинная торговля, а раз в три года российская сторона могла отправить торговый караван в Пекин. Однако торговля в Цурухайтуе постепенно пришла в упадок. Кяхта же превратилась в «культурное окно» между Россией и Китаем.

С заключением Айгуньского 1858 г. и Пекинского 1860 г. договоров граница была установлена по Амуру, Приамурье и Приморье закрепились за Россией.

Эномото путешествовал по границе во время обострения отношений вокруг Кульджу в 1871 – 1881 гг. Конфликт был исчерпан после подписания договора об Илийском крае, больше известном как Санкт-Петербургский договор. По сути, Кульджу вернули Китаю, была уточнена российско-китайская граница.

Покинув Иркутск, Эномото отклонился от курса и направился не в сторону востока, а на юг к российско-китайской границе. 1 сентября Эномото достиг Кяхты, а второго числа посетил китайский Маймачен. Так у посланника появился шанс изучить состояние российско-китайской торговли в Кяхте, исследовать возможность для будущего коммерческого сотрудничества Японии и России, посмотреть на взаимоотношения соседей. Плавание по Амуру дало возможность дополнительно посмотреть на положение дел на границе.

В Кяхте находился склад чая. Население составляло около 300 человек. В городе помимо русских, можно было увидеть китайцев, монголов и бурят. По

мнению Эномото, последних было весьма трудно отличить друг от друга, но он постарался выделить характерные черты. Буряты как граждане России выделяются. У монголов и китайцев одинаковые прически и цвет лица. Но у монголов более высокие скулы, а носы длиннее, чем у китайцев. Китайский язык сильно отличается от единого, как показалось Эномото, языка, которым пользовались монголы и буряты. Буряты, возможно, чуть выше китайцев, носы короче, а разрез глаз менее интеллигентный. В большинстве русских домов бурятские мужчины и женщины работали прислугой¹³⁵.

Российские сторона продавала пушнину, шкуры животных, какую-то промышленную продукцию, а китайская – чай и шелк. Ввиду «свободной торговли» все китайские товары, кроме чая, были полностью освобождены от налогов в Кяхте. Кроме того, с китайских торговцев, живших и работавших на территории России, не взимался налог на предпринимательскую деятельность.

Еще по дороге японскому посланнику неоднократно встречались телеги с китайским чаем из Кяхты. Эномото сказали, что поставки чая не прекращаются, таким образом он сделал вывод, что объемы торговли большие. Городской глава Троицкосавска Молчанов Н. Л., сам будучи купцом 1-ой гильдии, подсказал Эномото, что отправлять чай по Амуру в Сибирь дешевле, чем доставлять через пустыню в Кяхту. После этого у дипломата появилась мысль, что в таком случае китайские товары не смогут конкурировать с японским. К тому же, японца угощали китайским чаем, и тот ему показался неароматным и недостойным какой-либо похвалы.

В 1860-х Российская Империя стала главным потребителем китайского чая, что связано не столько спросом на товар, сколько сокращением поставок в Великобританию и другие западные страны, куда стал активно экспортироваться индийский и цейлонский чай. Россия же систематически снижала ввозные пошлины. Китай начал поставку чай через Амур уже в 1880 г. Появились регулярные рейсы Владивосток-Одесса, в ходе которых корабли заходили в

---

¹³⁵Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 155.

Шанхай и Гуанчжоу, загружая чай и другие товары. Кроме того, российский потребитель оказался довольно консервативным. Даже когда привозился индийский, цейлонский, бразильский, яванский и, в том числе, японский чай, предпочтение все равно отдавалось китайскому. Потому прочие чаи доставлялись лишь в небольшом количестве¹³⁶. К сожалению, у инициативы Эномото налаживания российско-японской торговли путем ввоза чая в действительности было мало шансов.

Эномото Такэаки обратил внимание на натянутость отношений русских и китайцев. В дневнике он пишет о невозможности совместного сосуществования, соседских или дружеских отношений России и цинского Китая. Японский посланник также заметил определенное пренебрежение Китаем безопасностью собственных границ. При этом, китайцы очевидно боятся русских, проявляют довольно сильную подозрительность, тогда как русские не воспринимают их всерьез.

Китайцы жили только в Маймачене, за пределами города проживали монголы. Несмотря на то, что правительство Китая строго запрещало китайцам въезжать и работать на территории России, в Иркутске проживало около 40 китайских торговцев, помимо чая, они торговали рисовыми тянучками. А рядом с Благовещенском была деревня в 20 домов, где также жили китайские купцы. Другими жителями деревни были маньчжуры. Однако Эномото признался, что ввиду внешней схожести не отличает маньчжуров от китайцев. Кроме того, китайским женщинам было запрещено выезжать за пределы Великой китайской стены. Российская сторона считала, что Китай опасается, что те сбегут. Эномото подобное объяснение показалось странным, но, действительно, ни в Маймачене, ни в Кяхте, ни в Иркутске, ни в других городах женщины не сопровождали китайских купцов.

---

¹³⁶Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. С. 131-132.

В Кяхте на российской границе были ворота без ставней, а на китайской со ставнями, которые закрывались на ночь. Россия имела батальон из 600 солдат в селе Троицкосавске. Летом солдатам давали отгулы, поэтому они не дежурили в карауле. На китайской границе военных не было вовсе. Российская сторона также считала, что в приграничной защитной крепости нет необходимости, поскольку китайцы «недостаточно изобретательны», чтобы что-то сделать. Китайских солдат видели в Урге (совр. Улан-Батор), но у местных их вид скорее вызывал смех, настолько плохо они пускали из лука стрелы. Поэтому их считали не более чем «хилой деревенщиной»¹³⁷.

Айгуньские солдаты производили лучшее впечатление. Они воспринимались как сильные и потенциально полезные в военном плане, если бы они были обеспечены всем необходимым и обучены армейской дисциплине.

Когда в Кяхте проводились военные учения, все в Маймачене закрывали двери, никто не выходил наружу. Китайцы, вероятно, рассматривали эти мероприятия как демонстрацию силы потенциального противника, несмотря на то, что это происходило на протяжении длительного времени. Подозрительность и осторожность проявлялась и в поездках российской стороны в Ургу или Пекин, в ходе которых российских чиновников и купцов обязательно сопровождали китайские чиновники.

Городской голова Маймачена выполнял функцию военного и торгового представителя, раз в год власти созывали монголов для обучения владению луком и копьем. Российский исправник прокомментировал Эномото, что эту должность китайского городского головы можно было получить, дав чиновнику взятку. Срок исполнения обязанностей составлял три года, в течение которых голова открыто брал взятки от купцов и после сложения полномочий возвращался в столицу с значительно увеличившимся капиталом. Эномото посчитал, что это вполне похоже на правду¹³⁸.

---

¹³⁷Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 159.

¹³⁸Ibid. Р. 160.

Довольно большой участок пути проходил вдоль Амура. Вплоть до Айгуни Эномото не замечал поселений на китайском берегу. У посланника сложилось впечатление, что китайские власти мало заботились о безопасности границы. Отсутствовал патруль. И поскольку территория никем не была занята, этим пользовались некоторые российские граждане, тайно туда проникали в поисках золота или чтобы засеять пшеницу.

Эномото Такэаки довелось побывать в самом Маймачене, а также в Айгуни, сравнить российское и китайское гостеприимство, посмотреть на взаимодействие обеих сторон.

Традиция китайского мировосприятия определяла людей извне как варваров с четырех сторон света. В лучшем случае, отношение было снисходительное. Япония унаследовала эту установку. Из-за этого официальные визиты европейцев и в одной, и в другой стране проходили неудачно. Возвращаясь к путешествию Эномото, что китайская, что российская сторона воспринимали оппонента как полудикий народ. Обе считали Японию чуть более цивилизованным партнером. Это проявлялось в речах не только должностных лиц, но и обывателей. При этом вполне очевидно, что в сознании Эномото также имеются определенные предустановки. В дневнике он буквально называет одних цивилизованными, имея в виду русских, а других, т.е. китайцев, – нет. «Выезжая из Кяхты в китайский Маймачен, я поражаюсь, насколько прогресс этих двух стран различен»¹³⁹.

К тому же, российских граждан Эномото считал более вежливыми и почтительными, чем китайских. В то время как все русские солдаты, купцы и прочие снимали головные уборы и кланялись посланнику, маньчжуры и китайцы останавливались и с любопытством смотрели на него, но никогда не делали поклон¹⁴⁰. В отличие от китайских-маньчжурских чиновников, русские не пытались трогать дипломата.

---

¹³⁹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 161.

¹⁴⁰Ibid. Р. 222.

Присутствует и характерная для японцев двойственность мнения относительно Китая. С одной стороны, Эномото признает великую китайскую культуру и ценит ее достижения, а с другой считает, что она не имеет ничего общего с современной ему страной и живущими в ней людьми. Он даже пародировал звуки, издаваемые китайцами «пау, хау, тин, тян». А прическу бьяньфа, маньчжурскую косу, презренно называл свиным хвостиком.

Напряженность российско-китайских отношений была особенно заметна при посещениях градоначальников в Маймачене и Айгуни. Городской голова к приему японского посланника никоим образом не подготовился, вышел в простом платье. Пока русский комиссар не указал на китайского главу, Эномото не мог понять, кто главный. На встрече в качестве переводчика выступали слуга-бурят и монгол, владевший китайским. Таким образом, один человек переводил с русского на монгольский, а другой с монгольского на китайский. Эномото же общался с китайцами письменно с помощью иероглифики, попросив кисть и чернильный камень¹⁴¹. На этой встрече обе стороны, российская и китайская, игнорировали друг друга, не выказывали знаков уважения. Сразу можно было понять, что соседские отношения отнюдь не дружеские.

В Айгуни японского посланника встретили торжественно, что больше подобало его статусу. Город-крепость, по наблюдениям Эномото, был чем-то вроде гарнизона, поэтому местного городского главу он называет начальником гарнизона.

В Благовещенске к Эномото приставили адъютанта и младшего казачьего офицера, немного говорившего по-маньчжурски. В качестве переводчика сначала выступал Итикава, он говорил на русском с китайским купцом, который тоже кое-что понимал, а тот уже переводил на маньчжурский. У Эномото были большие сомнения, что его правильно поймут. Поэтому, опираясь на свой предыдущий удачный опыт, посланник решил общаться письменно, что весьма воодушевило присутствовавших китайцев и маньчжуров. Они внимательно

---

¹⁴¹Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 157.

наблюдали за письмом и стилем японца. Написанное Эномото осталось у китайской стороны¹⁴².

Если российские начальники гарнизонов, городские главы вполне охотно предоставляли данные о населении и воинских частях, то китайцы, ввиду положения своей страны, на подобные вопросы реагировали несколько по-другому – с глубоким недоверием. Считая, что их ответ может иметь политическое значение, они говорили явную ложь, начиная от количества людей в крепости и заканчивая количеством дней доставки почты из Пекина в Айгунь. Российская сторона оповещала об этом Эномото.

Территориальные экспансии XVI – XIX вв. превратили Россию во многонациональную империю. Огромная территория и полиэтничность были важными факторами исторического развития страны, что сказалось в том числе на этнической структуре государства. Отношения выстраивались по принципу «центр – национальная окраина».

Особое внимание в «Сибирском дневнике» было уделено этническим меньшинствам. Наблюдения Эномото Такэаки были сосредоточены на нескольких национальностях: на татарах, в основном проживавших до Красноярского уезда, бурятах, встречавшихся уже юго-восточнее, и немногочисленных гольдах, или нанайцах, в Приамурье. Ввиду определенной внешней схожести они вызывали у японского посланника любопытство, причем это было взаимно. Наибольший интерес Эномото проявил к бурятам. В частности, ему было интересно понять различия между ними и монголами. Эномото описывал облик, быт, ремесло, язык национальных меньшинств.

Татар первый раз делегация увидела в Казани, но сам Эномото встречал их еще в Петербурге. Посланник характеризовал внешний вид народа так: хоть многие татары имели красноватый оттенок кожи и голубые глаза, но разрез глаз и рисунок рта был похож на азиатский. При этом они красивее азиатов. Головы у татарских мужчин полностью выбриты, словно у буддийских монахов.

---

¹⁴²Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 231-232.

Тюбетейка на макушке напомнила дипломату верхушку желудя. Одежда походила на персидскую. Их религия также ислам, а письменность как у персов. Татарских женщин на улице почти не было. Они все время находились дома, занимаясь лишь ведением домашнего хозяйства, в отличие от русских женщин. Один раз Эномото видел женщин с головой, покрытой тканью, в которой они прятали носы, и предположил, что это были татарки.

У татар, также как у турков и персов, было принято многоженство – обычная мусульманская практика. У Эномото возник вопрос: не получается ли тогда так, что в татарских деревнях должно быть много одиноких мужчин. На что ему ответили, что татарских женщин рождается больше, чем мужчин¹⁴³.

Татары делились на оседлых и кочующих. Среди татар были торговцы фруктами, носильщики дров. По слухам, в Казанской губернии жил баснословно богатый купец-татарин.

Эномото записал татарский алфавит. В него вошло 28 символов, ничем не отличавшихся от турецких или персидских. Он также узнал, что некоторые города когда-то были татарскими, например, Казань и Тюмень.

Бурятский народ стал встречаться начиная с Иркутска. Проходящие мимо буряты смотрели на японскую делегацию с определенной симпатией, снимали головные уборы и улыбались им на ходу. Это было чем-то вроде естественной азиатской солидарности¹⁴⁴.

Иркутская губерния изначально была местом проживания бурят. Раньше они мигрировали, но 40 – 50 лет назад многие осели. Численность народа составляла примерно 50000 человек.

На пути часто встречались русско-бурятские поселения, были и полностью бурятские деревни. С вхождением в состав России многие национальности освоили деревянное зодчество. Буряты не были исключением, потому их

---

¹⁴³Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 42.

¹⁴⁴Ibid. Р 172.

деревянные дома ничем не отличались от русских избушек. Бурятский народ держал крупный рогатый скот и лошадей. Ели в основном баранину.

Эномото посетил юрту, сфотографировал ее, а также бурятских женщин и детей. В одной бурятской деревне он задал местным интересующие его вопросы. Отдельно записав кое-какие бурятские слова и их значение, посланник составил маленький словарь. Бурятский и монгольский языки в чем-то похожи, но не омонимичны. Письменностью буряты не владели.

Помимо буддизма, некоторые буряты верят в шаманизм. У Ангары есть священная шаманская скала (Мыс Бурхан), буряты всегда снимали головные уборы и кланялись ей. Один раз посланник видел бурятку, выходящую из православного храма.

Эномото установил, что хоть буряты частично русифицировались и их образ жизни несколько отличен от монгольского, они принадлежат к одной этнической группе, одно происхождение языка и религии. Отличия незначительны¹⁴⁵. Для сопоставления, на российско-китайской границе Эномото посетил традиционный монгольский дом под названием «Гэр», общался с монголами.

В итоге Эномото пришел к ошибочному выводу, что разницы между народностями нет вовсе. Те, кого в Китае называли монголами, были теми, кого в России называли бурятами. Свой вывод он основывал на утверждении, что язык обуславливает расу. Путешествие японского посланника по Сибири приходилось на период, когда Монголия уже была аннексирована и не существовала как отдельное государственное образование, а носители ее культурного наследия проживали как в Российской Империи, так и в Китае. Поэтому в дневнике Эномото сетует на положение монгольской нации¹⁴⁶. Возможно, подобные чувства были вызваны тем, что эти народы своей наружностью напоминали японцев. Эномото смотрел на них с определенным

---

¹⁴⁵Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 151.

¹⁴⁶Ibid. Р. 163.

сочувствием, перенося на них переживания о судьбе собственной страны. В глазах Эномото Монголия, исчезнувшая меж двух сильных государств, и Япония, небольшая страна, могущая подвергнуться натиску великих держав, чем-то были похожи¹⁴⁷.

На Гусином озере Эномото посетил Тамчинский дацан. Посланника встретили с большой любезностью. В храме исповедовали ламаизм. Последователи ели мясо, но не убивали животных сами. Ведь если бы они не ели мясо, жить было бы невозможно. По словам ламы, один бурятский монах однажды ездил в Японию и привез оттуда зеркало, в качестве подношения Будде. Эномото тоже сделал подношение¹⁴⁸.

Селения гольдов Эномото заметил в Приамурье, к ним причаливали китайские корабли. По словам сопровождающего исправника, они обменивали добытых гольдами соболей на крупы. Кроме того, гольды путешествовали между территориями России и Китая. Властям обоих государств не было известно количество коренных жителей даже приблизительно.

Промыслы гольдов ничем не отличались от айну на Хоккайдо, они также рыбачили и охотились, и вообще не занимались сельским хозяйством. Даже лосося они ловили такой такими же грубыми и мелкими сетями, как у айнов.

Мужчины носили такую же одежду и прическу в виде косички, как у китайцев. Женщины делали пробор посередине и заплетали две косы, что в целом соответствовало монгольскому стилю. Внешний вид аборигенный. У гольдов особенно высокие скулы, плоские лица, носы низкие, волосы черные редкие. Бород не носят. Глаза маленькие. По словам Эномото, они мало чем отличаются от монголов¹⁴⁹.

---

¹⁴⁷Дайго Рюма. Эномото Такэаки-га мита росин канкэй -то монгору: Сибэриа никки-о тю:син-ни ситэ [Русско-китайские отношения и Монголия на основе «Сибирского дневника» Эномото Такэаки]. Нагоя: Нагоя дайгаку хакубуцукан хо:коку, 2012. №. 28. Р. 217–218.

¹⁴⁸Эномото Такэаки. Сибэриа никки. [Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. Р. 169-170.

¹⁴⁹Ibid. Р. 278.

Дома в гольдских деревнях напоминали маньчжурские, с облепленными глиной стенами. Дома намного больше, чем хижины айнов на Хоккайдо. Крыши соломенные. Были и сараеобразные постройки, напоминающие айнские сараи, но тут они часто расписаны глиной. У них всегда есть несколько крупных собак в доме.

Посланник также встречал тунгусов и слышал про якутов. Первые ему показались красивее бурят. Как ему сказали, тунгусы, жившие в русских деревнях, ассимилировались и могли уже не знать корней своего языка. Про якутов Эномото узнал, что те использовали оленей и собак для передвижения. В языке якутов присутствовали тюркские числа, а в лексике заимствования из монгольского и татарского языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Сибирский дневник» – отчет о двухмесячном путешествии первого японского посланника в Петербурге Эномото Такэаки, в ходе которого он пересек всю Россию. Эномото писал дневник с конкретными целями, главной из которых можно считать желание развеять страхи японского общества относительно своего северного соседа. Условно, дипломат поставил перед собой несколько задач: наблюдение за расположением российских войск для правительства Мэйдзи; исследование настроений российских граждан и уровень их дружелюбия по отношению к японцам; изучение технологий, используемых в металлургии, золотодобывающей промышленности и культивации растений, что имело большое значение в контексте развития схожего по климатическим условиям Хоккайдо. Таким образом, «Сибирский дневник» имеет явное шпионское и практическое предназначение.

В первой главе данного исследования была установлена специфика источников личного происхождения, их классификация, жанры, а также методы работы с ними. В частности, были рассмотрены дневники и путевые заметки. Для более комплексного понимания автор отдельно выделил японскую дневниковую традицию, в рамках которой были изучены и дневники путешествий, включая развитие жанра в эпоху Мэйдзи. Одним из представителей последней категории является «Сибирский дневник».

Во второй главе был представлен биографический анализ автора дневника. Будущий посланник родился в самурайской семье вторым сыном. Он получил как классическое конфуцианское образование в академии Сёхэйко, так и современное по тем меркам европейское с военно-морским уклоном в училище в Нагасаки. Эномото был одним из немногих, кого бакуфу отправило на стажировку в Голландию. Достигнув к началу войны Босин карьерных высот, Эномото обрел уверенность в собственных силах. Поэтому, когда войска бакуфу капитулировали, он принял решение продолжить борьбу на севере страны. Но Самурайская республика Эдзо во главе с Эномото Такэаки продержалась

недолго. После непродолжительного тюремного заключения, он занимался освоением острова Хоккайдо. Назначением на пост главы дипломатической миссии в Санкт-Петербург Эномото обязан дружбе с Курода Киётака и своему опыту пребывания в Европе. Успешно решив поставленные задачи, посланник вернулся в Японию через Сибирь. Это путешествие было зафиксировано им в «Сибирском дневнике». Вернувшись на родину, Эномото вскоре принял участие в миссии в Пекине. Далее началась политическая карьера Эномото, он возглавлял разные министерства, в число которых входило министерство иностранных дел. Эномото также был активным общественным деятелем: он был одним из инициаторов открытия Токийского географического общества; учредил частную академию Икуэи, которая со временем преобразовалась в нынешний Токийский сельскохозяйственный университет; был пионером южного направления японского экспансионизма – Эномото стоял у истоков создания колонии в Мексике.

Третья глава содержит описание, анализ «Сибирского дневника»; рассматриваются обстоятельства создания данного текста и образ России, каким он предстал перед глазами Эномото. Изучены цели написания документа, маршрут посланника, трудности пути. Приводится краткая история формирования образа России в японском обществе для понимания контекста, с которым был знаком Эномото Такэаки.

Дневник Эномото представляет собой типичный японский путевой дневник эпохи Мэйдзи, включающий как традиционные для жанра, так и вестернизированные элементы; кроме того, он входит в категорию заметок первых японских дипломатов, чиновников за границей. Текст предназначался для ограниченного круга лиц. Посланник писал в стиле хорошо образованного человека, владеющего китайской классикой.

Анализируя образ России, обрисованный Эномото, автор исследования сначала приводит общую картину, после чего выделяет несколько наиболее важных аспектов: настрой властей и общества в целом, русско-китайские

отношения, национальные меньшинства. Автор не ставит перед собой задачу сопоставительного анализа дневника Эномото Такэаки.

Россия – страна с огромной территорией, обширными, бесконечными просторами. На огромных расстояниях пейзаж редко меняется, часто напоминая окрестности Саппоро. Повсюду наблюдаются большие посевы пшеницы и других сельскохозяйственных культур. Поля хорошо вспаханы, территория используется вполне умело. В лесах обитают медведи, волки, лисицы, а на Дальнем Востоке даже тигры. Большие города процветают, но вся остальная территория усеяна невзрачными бедными крестьянскими домами, похожими на лачуги коренного населения Хоккайдо. Используются передовые производственные технологии, развитые средства связи и коммуникации.

Образ Сибири на страницах в общих чертах совпадает с образом, укоренившимся тогда в умах жителей России. Это край несметных природных богатств с холодным климатом и первозданной природой. Эномото наблюдал массовую добычу золота, а в столицах была свежа память о золотой лихорадке. Сибирь ассоциировалась со ссылкой и полудикими племенами. Эномото проявлял интерес к социальной и национальной проблематике.

Эномото хорошо зарекомендовал себя в высших эшелонах российской власти, и те пошли навстречу его желанию проехать через Сибирь. Посланнику предоставили нужные документы. О поездке заранее оповестили губернаторов и начальников гарнизонов, было отдано распоряжение всячески содействовать японской делегации в пути. К тому же правительство заботилось о безопасности высокого гостя. С дипломатом всегда обращались соответственно. Эномото не только позволяли ходить по заводам и военным объектам, но и предоставляли запрашиваемую им информацию.

В «Сибирском дневнике» посланник пытался показать соотечественникам настрой российского общества относительно Японии. Важно, что сам Эномото положительно настроен к российским гражданам. Особенно посланник симпатизирует простым и по-конфуциански учтивым крестьянам. Эномото

много общается с высшими должностными лицами. Видимо, он ощущал, что поскольку люди позитивно расположены к нему и к делегации, а также, что многие поддерживают тему российско-японской дружбы, в ближайшем будущем опасаться нападения на японский архипелаг не стоит.

Отношения на границе между жителями Российской империи и Китая были крайне натянуты и не были похожи на соседские или дружеские. Китайская сторона пренебрегала безопасностью собственных границ, хотя присутствовала атмосфера страха и подозрительности. В свою очередь, российская сторона не воспринимала соседнее государство всерьез. Каждая из сторон считала себя гораздо более цивилизованной, чем другая.

Важная особенность «Сибирского дневника» – проявление интереса к этническим меньшинствам, проживающим в России. Любопытство японца вызывала восточная наружность – Эномото Такэаки наблюдал в основном за татарами, бурятами и немногочисленными гольдами, или нанайцами. Посланник также встречал тунгусов и слышал про якутов. Наибольший интерес Эномото проявил к бурятам, их различиям с монголами. В результате своих полевых исследований дипломат пришел к выводу, что это один народ, разделенный двумя государствами – Россией и Китаем. Эномото описывал облик, быт, ремесло, язык национальных меньшинств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Источники на русском языке

1. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891. 346 с.

Источники на японском языке

2. Дзёнин [叙任: Отставка] // Кампо: [官報]. Токио, 1885. №744. Р. 11–12.
3. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1885. №1522. Р. 1.
4. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1889. №1716. Р. 3.
5. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1890. №2063. Р. 1–2.
6. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1891. №2373. Р. 2.
7. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1894. №3168. Р. 1.
8. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1897. №4119. Р. 12–13.
9. Дзёнинкю: дзирэй [叙任及辞令: Отставка и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1892. №2735. Р. 1.

10. Дзюсякюкю: дзирэй [授爵及辞令: Жалование титулов и назначения на должность] // Кампо: [官報]. Токио, 1887. №1169. Р. 1.
11. Иминка сэтти–ни кансуру гаймудайдзин–но икэн [移民課設置に関する外務大臣の意見: Мнение министра иностранных дел по поводу создания Департамента эмиграции] // Официальный сайт столетия японской эмиграции в Бразилию. URL: <https://www.ndl.go.jp/brasil/text/t008.html> (Дата обращения 20.01.2023).
12. Ихо: [彙報: Информационная сводка] // Кампо: [官報]. Токио, 1905. №6694. Р. 17–19.
13. Кю:тэйрокудзи [宮廷録事: Дворцовые записи] // Кампо: [官報]. Токио, 1891. №2361. Р. 1–4.
14. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки [シベリヤ日記: Сибирский дневник]. Минами мансю: тэцудо: кабусики гайся со:сайсицу ко:хо:ка, 1939. 291 р.
15. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки киното [シベリヤ日記 乙. 1878. [Сибирский дневник. Часть 2.]. 1878. 166 р.
16. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки киноэ [シベリヤ日記 甲: Сибирский дневник. Часть 1]. 1878. 386 р.
17. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки маки-но ити [西伯利亞日記 卷之 1: Сибирский дневник. Часть 1]. Кайгун ю:сю: кай, 1935. 165 р.
18. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки маки-но ити [西伯利亞日記 卷之 壹: Сибирский дневник. Часть 1]. 1934. 167 р.

19. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки маки-но ити [西伯利亞日記 卷之貳: Сибирский дневник. Часть 2]. 1934. 129 p.
20. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки маки-но ни [西伯利亞日記 卷之 2: Сибирский дневник. Часть 2]. Кайгун ю:сю: кай, 1935. 126 p.
21. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки. [シベリア日記: Сибирский дневник]. Токио: Хэйбонся, 2010. 336 p.
22. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки. [シベリア日記: Сибирский дневник]. Токио: Ко:данся, 2008. 368 p.
23. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки: фу торан никки [榎本武揚西比利亞日記: 附渡蘭日記: Сибирский и Голландский дневники]. То:тё:сёин, 1943. 334 p.
24. Эномото Такэаки [榎本武揚]. Эномото Такэаки мико:кай сёканю:榎本武揚未公開書簡集: Неопубликованные письма Эномото Такэаки] / Эномото Такамицу хэн [榎本隆充編: под ред. Эномото Такамицу]. Токио: Синдзинбуцуо:раися, 2003. 244 с.
25. Эномото Такэаки: сирё: [榎本武揚: 資料: Материалы по Эномото Такэаки] / Камо Гиити хэн [加茂儀一編: под ред. Камо Гиити]. Токио: Синдзинбуцуо:раися, 1969. 418 с.

Литература на русском языке

26. Верисоцкая Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток, 2005. 336 с.
27. Вульфсон Г.Н. Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 104–117.

28. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X – XIII вв. М., 1975. 383 с.
29. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006. 352 с.
30. Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиции. СПб., 2001. 400 с.
31. Гришачев С.В. Контакты России со странами Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Йокибэ М. М., 2015. С. 47–86.
32. Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987. 286 с.
33. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. 608 с.
34. Дацышен В.Г. Эномото Такэаки в Красноярске // Орося кайкайхо: [おろしや会会報]. Нагоя, 2008. №15. С. 92–94.
35. Дацышен В.Г. Японцы в Сибири конец XIX – начало XX в. // Известия Восточного института. Владивосток, 2004. С. 48–65.
36. Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 41–59.
37. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // Альманах “THESIS”. 1993. Т.1. Вып.1. С. 154–162.
38. Иванов А.А. Политика штрафной колонизации Западного Забайкалья в XVII–XX вв. и ее итоги // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. Иванов А.А., Кузнецов С.И, Шостакович Б.С. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 181–207.
39. Икута Митико. Наследие XVIII–XIX вв.: от концепции иерархического миропорядка каи тицудзё – к международному порядку

западного типа // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Иокибэ М. М., 2015. С. 19–46.

40. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.1. XV-XVIII века / под ред. Зайончковского П.А. М., 1976. 303 с.

41. История российско-японских отношений: XVIII - начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Гришачева С.В. М., 2015. 336 с.

42. Источниковедение: учебное пособие / Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б. и др.; отв. ред. Румянцева М.Ф. М., 2015. 685 с.

43. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Велижев М.Б., Атнашев Т.М. М., 2018. 632 с.

44. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 288–295.

45. Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII-XIX вв. Владивосток, 1997. 112 с.

46. Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001. 191 с.

47. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. № 9. Екатеринбург, 1998. С. 95–100.

48. Лядов П.Ф. Дипломатический протокол и протокольная служба // Право и управление. XXI век. №2 (23). М., 2012. С. 125–138.

49. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Покровский Н.Н. Новосибирск, 2010. 551 с.

50. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1: с конца XVI в. до 1917 г. / Под ред. Жукова Е.М. и др. М., 1973. 323 с.

51. Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991. 224 с.

52. Накамура Ёсикадзу. Россия Эномото Такэаки – первого посланника в России. Из книги «Нитиро исёку–но гундзо» («Другая картина японо-

российских отношений»). Токио, 2014 // Япония 2016. Ежегодник / Под ред. Д. В. Стрельцова). М., 2016. С. 143–155.

53. Османов Е.М., Шиплюк В.А. «Южный экспансионизм»: попытка создания японской колонии в Мексике в эпоху Мэйдзи (1868 – 1912 гг.) // ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык 2022. СПб., 2022. С. 153–163.

54. Очерки новой истории Японии (1640–1917) под ред. А.Л. Гальперина. М., 1958. 598 с.

55. Подалко П.Э. Романовы в Японии. Из истории августейших контактов // Япония 2003–2004. Ежегодник (под ред. Э. В. Молодякова). М., 2004. С. 298–321.

56. Покок Д. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020. 888 с.

57. Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2006. Вып. 32. С. 101–108.

58. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М., 2005. С. 122–169.

59. Репина Л.П. Текст и контекст в интеллектуальной истории // Сотворение истории. Человек – память. Казань, 2001. С. 304–320.

60. Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под ред. акад. Торкунова А.В. и проф. Йокибэ М. М., 2015. 1024 с.

61. Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и исторической науке // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Репиной Л.П. М., 2010. С. 19–37.

62. Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М., 1998. С. 318–504.

63. Сальникова Е.С. Занятия ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. Иванов А.А., Кузнецов С.И., Шостакович Б.С. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 330–337.
64. Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. 367 с.
65. Сапрыкина Е.Ю., Шпагин П.И. Путешествие // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. Стб. 86–89.
66. Симеон Лехази. Путевые заметки. М., 1965. 324 с.
67. Скворцова Е.Л. Влияние западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии // Вестник культурологии. М., 2020. №1. С. 37–54.
68. Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века. М., 2014. 384 с.
69. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья первая // Вопросы философии. М., 1981. № 7. С. 115–126.
70. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. М., 1981. № 9. С. 132–143.
71. Твердюкова Е.Д. Источники личного происхождения // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / под ред. Сиренова А.В. М., 2015. 289–310 с.
72. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. Чубарьян А.О. М., 2014. 576 с.
73. Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954. 108 с.
74. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. 312 с.
75. Чудакова М.О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 707–708.

76. Шиплюк В.А. «Пираты Токугава» – оппозиция на севере Японии во время войны Босин // Китай и соседи. Сборник материалов 6-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. СПб., 2021. С. 396–400.

77. Шиплюк В.А. Судебный процесс «Мария Луз» – ступень на пути к отмене неравноправных договоров годов Ансэй // Востоковедение: Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. 12–23 апреля 2021 г. Новосибирск, 2021. С. 34–35.

78. Шиплюк В.А., Варенов А.В. Биография Эномото Такэаки: ранние годы, учеба и начало карьеры // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации. Сборник материалов III Национальной научной конференции с международным участием. Владивосток, 2020. С. 151–158.

79. Щепкин В.В. «Изучение сведений о Камчатке» (1783 г.) – первое в Японии сочинение о России // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. LVII. История и культура традиционной Японии 8. СПб., 2015. С. 297–309.

80. Щепкин В.В. Образ Петра Великого в Японии // Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Самойлова Н.А. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 212–266.

81. Щепкин В.В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. / Ответственный редактор Молодяков В.Э. М., 2017. 392 с

Литература на японском языке

82. Акидзуки Тосиюки [秋月俊幸]. Нитиро канкэй–то Сахаринто: [日露関係とサハリン島: Японо-российские отношения и остров Сахалин]. Токио: Тикумасёбо:, 1994. 280 p.

83. Дайго Рюма [醍醐龍馬]. Мария Русу дзикэн–о мэгуру кокусайтю: сайсайбан – нихон сёсё: со–э–но мити [マリア・ルス号事件をめぐる]

国際仲裁裁判—日本初勝訴への道: Международный арбитражный процесс по делу Марии Луз – путь к первой судебной победе Японии] // матиканэ хо:сэй дзя:нару [まちなか法政ジャーナル: Журнал о законе и политике Матиканэ]. № 1. Осака, 2012. Р. 1–22.

84. Дайго Рюма [醍醐龍馬]. Эномото Такэаки-га мита росин канкэй -то монгору: Сибэриа никки-о тю:син-ни ситэ [榎本武揚が見た露清関係とモンゴル—『シベリア日記』を中心にして: Русско-китайские отношения и Монголия на основе «Сибирского дневника» Эномото Такэаки]. Нагоя: Нагоя дайгаку хакубуцукан хо:коку, 2012. №. 28. Р. 213–219.

85. Игуро Ятаро [井黒弥太郎]. Эномото Такэаки-дэн [榎本武揚伝: Биография Эномото Такэаки]. Токио: Яманисёбо:, 1968. 418 с.

86. Исида Рюдзиро [石田龍次郎]. То:кё: тигаку кё:кай хэннэнсико: [東京地学協会編年史稿: Ежегодная история выпуска Токийского географического общества]. Т. 78, № 3. Токио: Тигакузасси, 1969. Р. 83–123.

87. Итидзаки Кэнсаку [市崎謙作]. Курасуноярусукун-но Эномото Такэаки. Даси:сэн хакасэ-но ромбун-то соно хаккэнсирё:-ни мотодзуйтэ [クラスノヤルスクの榎本武揚. ダツイーシェン博士の論文とその発見資料に基づいて: Эномото Такэаки в Красноярске. На основе статьи профессора Дацышена В.Г.] // Орося кайкайхо: [おろしゃ会会報]. Нагоя, 2010. №16. Р. 64–72.

88. Камо Гиити [加茂儀一]. Эномото Такэаки [榎本武揚: Эномото Такэаки]. Токио: Тю:ко:бунко, 1988. 623 р.

89. Сува Канэнори [諏訪兼位]. Эномото Такэаки – тигакуся-дэмоатта бакумацу мэйдзи-но сэйдзика [榎本武揚—地学者でもあった幕末・明治の政治

家: Эномото Такэаки – политик периода Бакумацу и Мэйдзи, который также был геологом]. Тигаку кагаку, 2008. №. 62. Р. 415–420.

90. Судзуки Садами [鈴木貞美]. Кё:до: кэнкю: хо:коку никки оёби никкибунгаку гайнэн-о мэгуру обозгаки [共同研究報告「日記」及び「日記文学」概念をめぐる覚書: Отчет о совместном исследовании: заметки о понятиях «дневник» и «дневниковая литература»]. Т. 44. Нихон кэнкю:, 2011. Р. 425–443.

91. Цунояма Юкихиро [角山幸洋]. Эномото Такэаки–то мэкисико сёкуминидзю:(2) [榎本武揚とメキシコ殖民移住(2): Эномото Такэаки и коллонизация Мексики] // Кайнсай дайгаку кэйзай ронсю:[關西大學經濟論集: Сборник экономических исследований университета Кансай]. Т. 35, №1. Кансай, 1985. Р. 1–69.

92. Эномото Такамицу [榎本隆充]. Эномото Такэаки-но рю:сэйто сэйсаку-то рю:сэйто кидзи / Сибэриа о:дан рёко:-то Сибэриа никки [榎本武揚の流星刀製作と「流星刀記事」/シベリア横断旅行と『シベリア日記』: Изготовление метеоритных мечей Рю:сэй Эномото Такэаки и статья о «Рю:сэйто» / Путешествие через Сибирь и «Сибирский дневник»]. Т. 112, № 3. Токио: Тигакузасси, 2003. Р. 453–457.

Литература на английском языке

93. Adams F.O. History of Japan, Vol. II, 1865 to 1871. Completing the work. London: King, 1875. 356 p.

94. Ballard G.A. The Influence of the Sea on the Political History of Japan. London: John Murray, 1921. 311 p.

95. Beasley W.G. The Rise of Modern Japan, 3rd Edition: Political, Economic, and Social Change since 1850. New York, 2000. 322 p.

96. Black J.R. *Young Japan: Yokohama and Yedo*, Vol. II. London: Trubner & Co., 1881. 520 p.
97. Downer L. *Women of the Pleasure Quarters: The Secret History of the Geisha*. Broadway, 2002. 304 p
98. Fessler S. *Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912*. University of Michigan Press, U of M Center for Japanese Studies, 2004. 310 p.
99. Giovanni L. Les usages de la biographie. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1989. Vol. 44, Issue 6, December. P. 1325–1336.
100. Hane M. *Modern Japan: A Historical Survey*. Nashville: Westview Press, 2009. 578 p.
101. Hillsborough R. *Shinsengumi: The Shogun's Last Samurai Corps*. Tuttle Publishing, 2005. 256 p.
102. Hsu I.C.Y. *The Rise of Modern China*. Oxford University Press, 2000. 1052 p.
103. Keene D. *Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852-1912*. Columbia University Press, 2002. 922 p.
104. Kubukihara R., Edith S. Various Aspects of Diary and Travel Literature // *Review of Japanese Culture and Society*. Dec. 2007, Vol. 19, Aspects of Classical Japanese Travel Writing. P. 30–56.
105. Plutschow H.E. *Japanese Travel Diaries of the Middle Ages // Oriens Extremus*. 1982. Vol. 29, No. ½. Harrassowitz Verlag, 1982. P. 1–136.
106. Ravina M. *The Last Samurai: The Life and Battles of Saigo Takamori*. New Jersey, 2004. 265 p.
107. Satow E.M. *A Diplomat in Japan*. Philadelphia, 1991. 424 p.
108. *The Emergence of Meiji Japan*. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 5 *The Nineteenth Century*. John W. Hall, Marius B. Jansen, Madoka Kanai and Denis Twitchett eds. Cambridge University Press, 1989. 812 p.

109. Yamaguchi K. Kinse Shiriaku A history of Japan, from the first visit of Commodore Perry in 1853 to the capture of Hakodate by the Mikado's forces in 1869. Trans. Sir Ernest Satow. Wilmington, 1876. 148 p.

Интернет-ресурсы на японском языке

110. Сёкуминрон-то куни-но иминсэйсаку [殖民論と国の移民政策: Колониальная доктрина и миграционная политика страны] // Официальный сайт столетия японской эмиграции в Бразилии. URL: https://www.ndl.go.jp/brasil/s1/s1_2.html#k1_4_1 (Дата обращения 20.01.2023).

111. То:кё:но:гё:дайгаку • кэнгаку-но со • Эномото Такэаки-то-ва [東京農業大学 • 建学の祖 榎本武揚先生とは: Основатель Токийского сельскохозяйственного университета. Кто такой Эномото Такэаки] // Официальный сайт Токийского сельскохозяйственного университета. URL: https://www.nodai.ac.jp/admission/info/frontier/takeaki_enomoto/ (Дата обращения 20.02.2023).

112. То:кё:но:гё:дайгаку-но аюми [東京農業大学のあゆみ: Этапы истории Токийского сельскохозяйственного университета] // Официальный сайт Токийского сельскохозяйственного университета. URL: <https://www.nodai.ac.jp/about/history/> (Дата обращения 20.01.2023).

113. Энкаку [沿革: История] // Официальный сайт Токийского географического общества. URL: <http://www.geog.or.jp/profile/history.html> (Дата обращения 11.01.2023).

Интернет-ресурсы на английском языке

114. Development of environmental legislation // Веб-архив Виртуального центра АТЭС по обмену технологий окружающей среды. URL:

https://web.archive.org/web/20030306225434/http://www.apec-vc.or.jp/co-op/pollution/docs/no_014.htm (Дата обращения 13.02.2023).

115. Shoji K., Sugai M. Industrial pollution in Japan // Архив сайта университета Организации Объединенных Наций. URL: <http://archive.unu.edu/unupress/unupbooks/uu35ie/uu35ie00.htm#Contents> (Дата обращения 13.02.2023).